

HAL
open science

С коммунистической точки зрения: Культурная гегемония и манипуляции фольклором в албанистике при социализме [From the communist point of view: Cultural hegemony and folkloric manipulation in Albanian studies under socialism]

Enika Abazi, Albert Doja

► **To cite this version:**

Enika Abazi, Albert Doja. С коммунистической точки зрения: Культурная гегемония и манипуляции фольклором в албанистике при социализме [From the communist point of view: Cultural hegemony and folkloric manipulation in Albanian studies under socialism]. *Антропологии/Anthropologies*, 2022, 2, pp.129-170. <10.33876/2782-3423/2022-2/5-12>. <hal-03909916>

HAL Id: hal-03909916

<https://hal.science/hal-03909916>

Submitted on 21 Dec 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

© Эника Абази
© Альберт Доджа

С коммунистической точки зрения: культурная гегемония и манипуляции фольклором в албанистике при социализме

Ключевые слова: народная культура; фольклор; фольклоризм; социализм; коммунистический режим; Албания; Юго-Восточная Европа

В общепринятой фольклорной и этнографической традиции албанистики осуществлялись попытки представить аутентичную, традиционную народную культуру, которая, как предполагалось, существовала в обществе официальной идеологии. Однако эти попытки изначально сводились к дескриптивистским и эмпирическим исследованиям, которые только подтверждали конечную цель создания эссенциализированного национального своеобразия и архаизированного взгляда на национальную культуру. В то время как долгосрочная преемственность албанских исследований народной культуры (*kultura popullore*), которые предшествовали социализму и пережили его, наряду с неоднозначным отношением к антропологии, отмечается в других работах, в данной статье мы более детальным образом рассмотрим незначительные изменения и новшества, наблюдавшиеся в течение десятилетий коммунистического режима в Албании. Мы стремимся выяснить, как традиционные этнографо-фольклорные исследования народной культуры, проводимые в обстановке интеллектуальной изоляции и запятанные связью с морализаторской и националистической идеологией, использовались на службе идеологических нужд и государственной политики для обеспечения культурной гегемонии коммунистического режима.

Эника Абази, Парижский институт исследований проблем мира, Франция.
enika.abazi@univ-lille.fr <https://orcid.org/0000-0003-2482-5691>.

Альберт Доя Доджа, Лилльский университет, Франция.
albert.doja@univ-lille.fr <https://orcid.org/0000-0001-5378-8362>.

Для цитирования: Абази Э., Доджа, А.Д. С коммунистической точки зрения: Культурная гегемония и манипуляции фольклором в албанистике при социализме // Антропологии/Anthropologies. 2022. № 2. С. 129-170, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/5-12>

Статья первоначально опубликована в: Abazi E., Doja A. From the communist point of view: cultural hegemony and folkloric manipulation in Albanian studies under socialism // Communist and Post-Communist Studies. 2016. 49(2). P. 163–178. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.04.002>.

Введение

Данная статья освещает вопрос культурных гегемоний в эпоху разнообразия, поставленный в связи с приглашением выступить с докладом на конференции, организованной в мае 2015 г. Высшей школой исследований Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге, Германия (англ. Graduate School for East and Southeast European Studies)¹. Некоторые из прошлых статей были посвящены фольклорному архаизму в исследованиях «народной культуры» (*kultura popullore*) в Албании (Doja 2015), во многом вдохновленных националистической *Kulturpolitik* и колониалистской *Ostpolitik* немецко-австрийской традиции *Volkskunde* (Doja 2014a, 2014b). Цель этой статьи заключается в том, чтобы изучить, как создавались, а затем использовались, в том числе во вред, культурные знания при социализме в Албании. Мы утверждаем, что методологический подход, примененный в этих исследованиях, а именно фольклористический, эмпирического и исторического характера, способствовал становлению науки в этой области политическим инструментом коммунистической пропаганды, культурной гегемонии и государственного контроля.

За последние годы во все большем количестве работ критически рассматриваются связанные с этим вопросы (Schwandner-Sievers 2009; Hysa 2010; Voell 2011), включая наши собственные ранние (Doja 1998) и более поздние размышления (Abazi 2010, 2011; Doja 2013a, 2014a, 2014b, 2015). Критическое переосмысление, приведенное в этой статье, актуально сегодня в антропологии и общественных науках в целом, в культурологии, в постколониальной теории, а в последнее время и в постсоциалистических исследованиях. Они могут представлять большой интерес, в особенности учитывая обычную скучный характер многих албанских исследований. Тем не менее не стоит преуменьшать риск произвольного приписывания авторам прошлого соображений, которые косвенно вытекают из современных проблем. Поэтому при производстве знаний необходимо обязательно учитывать контекст, и подходить к этому процессу нужно обстоятельно, критически и проникновенно, стараясь не попасть в ловушку простой идеологической критики. Мы будем придерживаться обзора коммунистического периода албанских фольклорно-этнографических исследований и рассказывать, чего на самом деле достигли большинство ученых того времени, отмечая, как чтение их произведений проливает свет на тот факт, что знание и политика тесно переплетены.

С коммунистической точки зрения, народная культура должна была превратиться в идеальную проекцию доминирующей идеи коммунистов как строителей нового эмансипированного мира, Нового Человека и новой культуры. Механизмы трансформации коснулись всех граней культурного процесса, включая значение народной культуры и код, который служил для каталогизации, анализа и интерпретации культурного производства. Этот

¹ Часть этой статьи в более ранней версии была также представлена 9–10 марта 2011 г. на конференции «Расцвет антропологии на окраинах Европы, 1945–1991» в Институте социальной антропологии Макса Планка в Галле, Германия (Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale) (См. видео <http://youtu.be/NeQ1ECIQRc>). <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.04.002>. 0967–067X/© 2016 Регенты Калифорнийского университета. Опубликовано издательством Elsevier Ltd. Все права защищены.

процесс мы анализируем через перспективу политической антропологии. В этом отношении наш подход можно считать одновременно сравнительным, холистическим и релятивистским. С практической точки зрения мы рассматриваем труды и исследовательские публикации, которые появлялись в культурном и политическом пространстве коммунистической Албании параллельно со всеми культурными и официальными мероприятиями, составлявшими дискурс коммунистического режима, включая вмешательство государственных и партийных организаций в вопросы культуры народа, что определило ее новое значение, новую роль и новый социальный статус.

Аргументы, в которых приводятся примеры того, как происходит или оспаривается манипулирование народной культурой, их критическая оценка и рассматриваемые в данной работе выводы прочно опираются на несколько источников из основной массы публикаций в жанре фольклорно-этнографических исследований народной культуры, выполненных в социалистический период в Албании, включая материалы в изданиях *Etnografia Shqiptare* (Ежегодник «Албанская этнография»), *Çështje të Folklorit Shqiptar* («Вопросы фольклора Албании») и *Kultura Popullore* («Журнал народной культуры»), материалы национальных конференций по албанистике (1962, 1968, 1969 гг.), социальным проблемам (1969 г.), фольклорным фестивалям (1973, 1978 гг.) и этнографическим исследованиям (1976, 1983 гг.). Другие первоисточники включают ряд выступлений Энвера Ходжи и иные партийные документы, в которых обычно затрагиваются многие вопросы, тесно связанные с научной деятельностью, являющейся предметом данного исследования, в том числе воспитание молодежи в духе коммунистических ценностей, формирование и закрепление социалистического мышления, социально-экономические аспекты, экономические последствия социалистических преобразований, изменение социально-классовой структуры общества, сглаживание различий между сельскими и городскими жителями, развитие социалистических отношений в семье, эмансипация женщин, социалистический образ жизни и т. д.

Что касается роли идеологии, то аргументы этого исследования лучше и нагляднее обосновываются программными статьями в партийной периодике, особенно в сборнике ежемесячного журнала *Rruga e Partisë* («Путь партии»), который издавался Институтом марксизма-ленинизма и контролировался ЦК партии. Выбор определяется самой задачей этого «политико-теоретического органа» партийной печати, который должен был возглавить политическое и идеологическое воспитание государственных служащих, партийных идеологов и ученых-исследователей, отражая реальные проблемы в том виде, в каком они воспринимались и предполагались идеологическим аппаратом коммунистического режима. Неизменно, с момента создания журнала в 1953 г. и до закрытия в 1989 г., не было ни одного номера, в котором не упоминались бы директивы в области исследования культуры в меняющихся условиях социалистического строительства. Тщательное изучение этих материалов позволяет выявить реальный вес исследовательской стратегии албанской коммунистической модели, поскольку в них также показано развитие политической и моральной мистификации в форме, противоречащей социокультурной ситуации в Албании.

Кроме того, утверждения обосновываются тем, что можно было бы назвать методологической возможностью первичного жизненного опыта, который позволил более внимательно следить за содержанием и сутью научного дискурса о народной культуре и политике знаний в Албании в целом. Один из авторов принадлежит к молодому поколению ученых. Под политическим давлением он работал младшим научным сотрудником в Институте народной культуры, где получил первичный жизненный опыт в области политики знания при коммунистическом режиме, а затем выступил против него. Другой автор относится к новому поколению политологов, которые в прошлом больше всего пострадали от культурной принадлежности как к старому классу землевладельцев в Южной Албании, так и к отчужденному классу глубоко укоренившихся представителей интеллигенции, враждебно настроенных по отношению к коммунистическому режиму. После последовательного и полного обучения и длительного опыта работы в современной антропологии и политической науке соответственно, с опорой на более ранние критические исследования фольклорного архаизма народных культурных исследований в Албании с «точки зрения инсайдера/аутсайдера» (Doja 2015), и материалистического историцистского дескриптивизма в албанистике с точки зрения современных аналитических и политических подходов (Abazi 2010, 2011), из личного опыта приобретается дополнительная эмпирическая интерсубъективность для обоснования политической составляющей поднимаемых проблем.

Наконец, в этот раз мы будем действовать ретроспективно, скорее подводя итоги, чем предлагая новые направления, которые должны быть рассмотрены в другой раз. В первом разделе мы даем общую характеристику исследований коренных народов Албании, прославляющих и эссенциализирующих культуру своего народа. В трех следующих разделах мы выделяем три основных этапа в ходе социалистических изменений, которые призваны показать связь между развивающимися проектами создания народной культуры и усилением власти режима Энвера Ходжи в Албании. Примерно до середины 1950-х годов в результате советизации и десоветизации коммунистических идей интернационализма было убрано все, в чем можно было заподозрить намерения на реакционный национализм.

До конца 1960-х годов культурная революция прочно опиралась на археологию и изучение народной культуры, которые создавали почву для построения государства, основанного на идеологиях национализма и социализма. Вплоть до краха в 1989 г. автаркический коммунизм агрессивно задействовал изучение народной культуры в печально известных кампаниях против всего, что называлось либо консерватизмом, либо либеральным отношением к государственной политике. Наконец, в последних двух разделах мы рассмотрим процесс инструментализации фольклоризма и его методологическое обоснование в контексте национально-коммунистической культурной гегемонии.

Фольклорное прославление культуры своего народа

В основе албанистики изначально лежали притязания на славную древность, тысячелетнюю культурную и территориальную преемственность

албанского народа (Doja 2015). Можно утверждать, что албанские ученые собрали богатый эмпирический материал по албанским традициям и народной культуре в исторической перспективе, в особенности это касалось материальной культуры, социального устройства, мифологии и верований, а также иногда полезных наблюдений за социальными изменениями во времена социализма. Их исследования рассеяны в разрозненных изданиях или затеряны в архивах, как в случае с работами Рока Зойзи по нормам обычного права или Кемала Хаджихасани по устной литературе. Некоторые работы того времени были переизданы в недавних сборниках (Gjergji 2001, 2002, 2006; Tirta 1999, 2003, 2004, 2007; Ulqini 2003; Shkurti 2004; Muka 2007; Uçi 2007). Тем не менее их часто воспроизводят, сопровождая небольшими комментариями, анализом или исправлениями, и нет сомнений, что они несут отпечаток своего времени.

В Албании, как и в других странах Восточной Европы, доминировала «национальная этнография», которой занимались «местные этнографы» (Hofer 1968). Она была известна как изучение традиционной культуры и фольклора, или этнокультуры, а лучше сказать *народной культуры*, чтобы соответствовать как терминологии социалистической эпохи, так и словообразованию в английском языке (как в случае с «народная демократия»). Стандартным термином в албанском языке является «изучение *kultura popullore*»², что часто переводится как «изучение фольклорной культуры» и понимается как совокупность идей, точек зрения, взглядов, образов и других явлений, которые считаются наиболее характерными для албанской культуры. Этот перевод ошибочен, если не сказать оскорбителен, а вариант «наука о народе», несомненно, является более точным. Задачи этой области соответствовали фольклористике, если брать фольклор в его первичном значении как «знание о народе» или изучение «всей совокупности народных традиций, обычаев и искусств» (англ. *Folk-Lore*; нем. *Volkskunde*).

Институциональная история этих названий запутана и становится еще более сложной при отсутствии хорошо продуманных средств профессиональной подготовки. В Албании, как и во всей Восточной Европе, изучение *kultura popullore* включало исследования материальной культуры, предметов народного творчества, устных преданий, мифов, верований, обычаев и т. п. Изменение границ между несколькими академическими наименованиями, как например «фольклором», сосредоточенным на устных традициях, «этнографией», посвященной прежде всего обычаям и находкам материальной культуры, и даже «физической антропологией», в рамках которой работают с расовыми признаками, следует рассматривать как вопрос распределения задач и деления на второстепенные категории в рамках общего проекта на-

² Значение этого термина ближе к французскому слову *populaire*, чем к английскому *popular*, которое, согласно Оксфордскому словарю английского языка, означает то, что «нравится, вызывает восхищение или пользуется популярностью у множества людей, поддерживается большинством широкой публики, применяется народом в целом, предназначено для общности или соответствует ее предпочтениям, пониманию или положению». В то же время, согласно Словарю французского языка Le Grand Robert Dictionary, *populaire* означает что-то вроде «относящееся к народу, что принадлежит народу и является его частью, исходит от народа и распространяется среди него, говорит с народом и остается в пределах его досягаемости, что создается и используется народом, а не буржуазией и аристократией».

циональной истории³. То же самое относится не только к историографии, основывающейся на изучении античных времен, но и к археологии, направленной на исследования сохранившихся объектов материальной культуры, а также к филологии, посвященной находкам в области языков.

Каким бы ни было название, как и исследования местных ученых, посвященные культуре народов других стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, включая Грецию (*Herzfeld* 1982), исследования такого рода были сосредоточены на той культуре, к которой принадлежал сам исследователь. В них также превозносили национальную модель, которая, предположительно, уходила корнями глубоко в прошлое. Подобные исследования проводятся по всей стране, и основным местом их проведения всегда выступали деревни, несмотря на огромное влияние модернизации и отток населения из сельской местности, в результате которых деревни обезлюдели во второй половине XX в. Социальные и экономические перемены лишь усилили актуальность изучения крестьянской среды, которая теперь рассматривается как хранилище «умирающего» образа жизни, обычаев и общин. Исследователи сосредоточились в первую очередь на том, чтобы как можно быстрее собрать традиции, «находящиеся под угрозой бесследного исчезновения» (*Zojzi* 1959: 7), что многократно встречается даже в более поздних сборниках (например, *Gjergji* 2001: 26; *Tirta* 2003). Их основная задача заключалась в том, чтобы укрепить национальную культуру, обращаясь к «народу» для документирования народной культуры среди крестьян, исходя из убеждения, что старость, культурная изоляция, географическая удаленность и незапятнанная доиндустриальная обстановка должны раскрыть основные черты нации и показать воплощение *shpirti popullor i kombit*, «национальной души народа», то есть самобытного характера народной культуры и народного духа (*Volksgeist*).

В действительности не только их цель схожа, но и их методология основана, прежде всего, на сборе фольклорных материалов в духе немецкого

³ В 2011 г. в серии статей, представленных на некоторых международных конференциях, а также в серии интервью и дебатов, транслированных на некоторых национальных телеканалах Албании, с последующей публикацией в печатных СМИ и перепечаткой в «Как стать антропологом», интерлюдии к «Приглашение в область науки» (*Doja* 2013b: 26–39), один из нас утверждал, что изучение народной культуры в эпоху государственного социализма было омрачено тенденциозным интересом к историческим фактам и преимущественно историцистским взглядом на жизнь собственного народа. Это не обязательно означает, что мы обходим стороной работы, посвященные социалистическому настоящему, как поспешил предположить один из наших бывших младших коллег, когда он ознакомился с частью этнографических исследований на тему коллективизации земли при социализме в Албании (*Lelaj* 2011). В наши намерения также не входило оспаривать само существование этнографических исследований в Албании. К тому же, конечно, неверно считать, что «в дебатах предполагались, а иногда даже поощрялись отношения власти (цит.)» между дисциплинами, как довольно неловко заявили некоторые другие молодые коллеги, что выдавало их собственное намерение поставить одну традицию выше другой (*Dalipaj* 2012). Действительно, наше утверждение, позже получившее дальнейшее развитие в другой работе (*Doja* 2013a, 2015), с самого начала было сосредоточено на инструментальной функции и политике этих исследований, где мы постулируем полную гомологию между тем, что в Албании и других странах Восточной Европы называется «этнографией» и «фольклором» на основании их особой политической и методологической структуры, в которой они оба функционировали. Речь идет не только об их схожем историко-эмпирическом взгляде на жизнь и культуру собственного народа, но и об их полном участии в государственных идеологических и институциональных структурах, где на них была возложена обязанность активно строить новую науку, соответствующую коммунистической морали и политике.

Volkskunde (Doja 2014a) до такой степени, что область фольклорных исследований народной культуры в Албании можно рассматривать как переработку старой немецкой культурно-исторической школы (Doja 2014b). В исследованиях неизбежно появилась как позиция политического национализма, так и методологическая дескриптивистская и эссенциалистская направленность. Во всех случаях эта культуралистская и историцистская традиция была институционализована как «преднамеренная, подготовленная, сознательная попытка создать более приемлемую культуру», известную как «движение возрождения» (Wallace 1956: 265). В Албании роль этих исследований была более точно связана с албанизмом, движением национального пробуждения или возрождения (*Rilindja kombëtare*).

Как и традиция немецкого *Volkskunde*, история изучения народной культуры, которая развивалась в Албании (Doja 2015), не может быть отделена от более широкого политического и социального контекста, вызвавшего широкий интерес к сбору, описанию, сохранению и часто превознесению собственной национальной и народной культуры, вместе с научным идеалом дисциплины по созданию национального государства. Это стало частью более широких исследований коренных народов, которые местные ученые, подражая немецкой терминологии, предпочитают называть *албанологией* и которые особенно связаны с поиском национальной идентичности в Албании. Однако это не является специфической чертой албанских исследований (Cabanes 2004) или даже исследований Юго-Восточной Европы (Naumovic 1998). Подобно немецкому *Volkskunde* (Doja 2014a), эти исследования были институционализированы в Албании, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, в период национального движения и государственного строительства. Как это обычно бывает с исследованиями коренных народов, стремление выделиться на фоне соседних стран и агрессивное продвижение притязаний на цивилизационное превосходство и древность были и остаются характерными чертами этих исследований. В такой ситуации почти естественно, что наука или группа наук были институционализированы в Юго-Восточной Европе, включая Албанию, в периоды, когда ощущалась необходимость в проекте, который мог бы конкретизировать задачи национальной важности. Это подтвердило бы, что нация действительно существовала, и что в своих притязаниях на независимую государственность она располагала непрерывным территориальным владением и исторической законностью или, по крайней мере, культурной легитимностью. Историческая недостоверность притязаний не признается в этих проектах и становится идеологически устойчивой благодаря идеи гомогенизированного национального государства. Как и в других странах Юго-Восточной и Центральной Европы, влияние, оказываемое этими исследованиями, и дискурс фольклористов о народной культуре и народном образе жизни способствовали эссенциализации национального характера и долгое время поощряли официальные исследования интерпретировать культурные различия с точки зрения иерархии (Bausinger 1993), тем самым предоставляя аргументы в пользу национализма и исключительности.

В организационном плане албанские исследования народной культуры имели сложную историю при социализме, что свидетельствует об их значимости для государственной политики. В начале социалистического периода коммунистические лидеры поначалу враждебно относились к этой, казалось бы, мелкобуржуазной дисциплине с ее любопытной одержимостью доин-

дустриальным крестьянством, которое считалось хранилищем незапятнанной сущности нации. Однако вскоре коммунистические власти пришли к выводу, что такие исследования либо не несут никакого вреда, либо представляют пользу для легитимации их собственной программы. После реорганизации Национального института наук в 1947 г., в 1955 г. под эгидой Института истории и лингвистики было признано изучение народной культуры. В 1960 г. у исследований в этой области появился самостоятельный орган, был также учрежден Институт фольклора. В 1979 г. он был преобразован в Институт народной культуры при Национальной академии наук, основанной в 1972 г. С 2008 г., при попытке воссоздать Институт культурной антропологии, Институт народной культуры переехал из Национальной академии в недавно открытый Национальный центр *албанологических исследований*.

В рамках тех небольших изменений и нововведений, которые произошли в десятилетия социализма, албанские ученые продолжали заниматься «отличительными культурными чертами народа и его этническими и национальными особенностями» (Zojzi 1959: 3), поскольку они ретроспективно экстраполировали прошлое из настоящего и реконструировали обратно все исторические процессы культурного развития народа. Однако, выражаясь словами Кеннета Федера, большая часть исследователей народной культуры в Албании, а также многие другие мыслители, писатели, ученые и шарлатаны «пытались облечь прошлое в образ, который либо они сами, либо общественность желают или находят утешительным» (Feder 2011). Изучение народной культуры, которое часто переходит в страсть к местной или национальной культуре, может выйти за рамки простых подходов сбора, сохранения и исследования информации. Эти исследования становятся своего рода культурной манипуляцией, *псевдофольклором* (Fake-Lore) или *фольклоризмом* (Folklorismus). Данные термины можно использовать для обозначения волюнтаристского «изобретения традиции» (Hobsbawm, Ranger 1983). Такое отношение само по себе несет важные политические и идеологические последствия для системы подобных исследований, которые с особой вероятностью могут быть связаны с национализмом и тоталитаризмом и которые вряд ли можно рассматривать как методологический или дисциплинарный подход. В зависимости от стран, политических режимов и идеологий, как ясно показала специфическая культурная практика фольклоризма в период расцвета нацистского немецкого *Volkskunde* (Doja 2014a, b), такая система фольклора часто становится, сознательно и намеренно, добычей и топливом для политических идеологий, возникающих из националистических притязаний или тоталитарных режимов. Аналогичный спонсируемый государством процесс, описанный в другой работе как инструментальный «фольклоризм культурных традиций» (Doja 1998), был направлен на формирование нового менталитета и манипулирование иллюзорной социальной реальностью, прославляющей нового человека и триумф реального социализма в Албании.

В своем переосмыслении первый официальный директор Института народной культуры заявил с оглядкой на прошлое: «Характерная черта, которая преимущественно описывала развитие народной культуры, глубоко противоречива. <...> Вся история изучения народной культуры представляет собой противоречивый процесс. <...> Этот противоречивый характер повлиял на оценку народной культуры, национальных фольклорно-этнографических проявлений, а также наук, занимающихся их изучением <...>» (Uçi 1997: 173).

На самом деле за изменениями в государственной политике по отношению к иностранным политическим и идеологическим союзникам следовало двойственное отношение к изучению народной культуры, отражающее различные периоды югославского, советского или китайского влияния, которые можно четко различить в истории их развития. Каждый раз, когда коммунистический режим рассматривал национализм как удобный идеологический инструмент, фольклор прошлого начинали активно поддерживать. Когда национализм считался ревизионистской идеологией, особенно в периоды влияния утопических идей социалистического интернационализма, народная культура низводилась до уровня «примитивного анахронизма» (*vjetërsi anakronike*). Оглядываясь назад, можно сказать, что полвека коммунистической диктатуры в Албании и других странах Восточной Европы (*Osiatynski 1991; Chirot 1991*) ознаменовали постепенный сдвиг в исследованиях народной культуры от высокомерного интернационализма к националистическому социализму, а затем к автаркическому коммунизму, что может в некоторой степени объяснить феномен «упущенного перехода» (*Abazi 2010, 2011*) и нынешнего кризиса посткоммунистических исследований.

Советизация и десоветизация

В первые послевоенные годы по всей Восточной Европе вслед за эйфорией установления режимов «народной демократии» возник ряд новых задач, включавших реконструкцию, деколонизацию и «дружбу народов», которые не вписывались в рамки межвоенных определений национализма и интернационализма. В этом контексте политика поддержки народной культуры в Албании оказалась несовместимой с концепцией националистических сил, отнесенных к коллаборационистам фашизма, и с тем интернационализмом, который продвигался в это время в Советском Союзе и в Югославии, с которыми Албания была особенно связана. Коммунистический режим Энвера Ходжи демонстрировал бдительный интернационализм. Культурное наследие в нем рассматривалось как проявление национализма, хотя такое отношение должно было сопровождаться отказом от любых притязаний на Косово, которое было возвращено Югославии после войны.

В то время албанское культурное производство было обязано следовать методу социалистического реализма, официально утвержденному на Третьей конференции Лиги писателей и художников в октябре 1949 г. В этом контексте понимание народной культуры изменилось; ее трактовка теперь зависела от новой культурной прагматики реального социализма. Этот процесс вызвал определенный тип дискурсов, действий и производства знаний о народной культуре, который все больше превращался в новый образ мышления и новый набор средств для объяснения и толкования всей культурной системы и социальной жизни. Появление и устройство иной культурной семиотики, основанной на новом культурном коде, параллельном прагматике албанского языка и литературы (*Vehbiu 2009; Yzeiri 2013*), позволили обозначить новые рамки понятий и концепций коммунистической эпохи.

В 1950-х годах, после конфликта с Югославией в 1948 г., Албания значительно пострадала от советского влияния. Партийное руководство и тоталитарное государство имитировали советский опыт и догматически применяли сталинские особенности советского развития. В этом контексте к фольклор-

ной (*Volkskunde*) традиции изучения народной культуры была привита другая традиция, казалось бы, совершенно иная. Под термином *etnografi*, наподобие *Ethnographie* в Восточной Германии (Doja 2014a), в исследованиях народной культуры в Албании подражали методологии и терминологии советской *этнографии* и теории этноса. Как и в других странах Восточной Европы (Valtchinova 2004; Hann et al. 2005), в исследованиях следовали логике развития и отделения ее от *фольклористики*, которая более подробно рассматривается в других работах (Doja 2015). Вкратце, такие исследования имели тенденцию отдавать предпочтение и восхвалять материальные рамки жизни людей, что соответствовало аксиоме об определяющем характере материального мира и трудовой стоимости в марксистской социальной теории.

Материальная культура традиционных обрядов и обычаев была отделена от внутренней культуры (*kultura shpirtërore*), которая в свою очередь была обособлена от изучения словесного и музыкального искусства, как отдельных областей изучения народной культуры. Категория «народ» в народной культуре (*kultura popullore*) легко отошла от традиционного и архаичного подтекста к политическому отождествлению народа с нацией (*kultura popullorë-kombëtare*). Культура была задумана как основная характеристика намеренно этнизированной концепции народа (этнокультуры), соответствующей понятию «этнос» в советской *этнографии* (Bromley, Kozlov 1989). Эти представления все больше ассоциировались с дополнительным социально-классовым пониманием «народа» в современном социалистическом обществе. Этот процесс привел к определенной концепции общей народной культуры, которую должен совместно разделять «народ» как рабочий класс. Это радикальное представление, которое фактически шло параллельно разработке понятия «народ» (*Volk*) в *Volkskunde* Восточной Германии, где особая и уникальная социально-классовая категория «демос» отличалась от более общей этнокультурной категории «этнос» советской *этнографии* (Noack, Krause 2005: 42).

Конечно, как показано более подробно в другой работе, гомология между немецким *Volkskunde* и советской *этнографией* может быть установлена на основании их конкретных политических и геополитических рамок (Doja 2014a). Однако признание и выделение народной культуры как социалистической культуры «трудящихся» (*populli punonjës*), а именно угнетенных, которые, согласно марксистской идеологии, бескомпромиссно противостоят эксплуататорским классам, стало главным результатом ленинской теории о двух исключительно дифференцированных национальных культурах в классовых обществах. Классовая борьба в ее догматическом истолковании в Албании была положительным фактором, что также означало, что нарушение единства и однородности народной культуры на национальном уровне было рекомендовано для народа и для нации. Поскольку народом и нацией считались только ранее эксплуатируемые и угнетенные, все остальное исключалось из народной культуры, особенно то, что могло демонстрировать или включать культурные формы и практики любой другой общественной группы. Культура по-прежнему делилась на материальную и духовную, но акцент делался на степени освоения культуры индивидом как представителем трудового народа.

С самого начала в журнале «Путь партии» давались прямые и конкретные указания по осуществлению классовой борьбы трудящихся, а также

уделялось особое внимание политическому воспитанию молодежи (*Rruga e Partisë* 1955/11: 36–47). Энвер Ходжа постоянно призывал партийных работников дополнять классовую борьбу трудящихся продолжающейся борьбой против «пережитков прошлого» (*mbeturina të vjetra*) и всех тех, кто демонстрировал признаки чуждой идеологии и буржуазной морали. Под ними подразумевались «люди старого уклада» (*njerëz të vjetër*), объявленные врагами народа и социализма — прежде всего представители религиозных кругов, интеллигенции, бывшие землевладельцы и их семьи (*Rruga e Partisë* 1955/11: 43). Во имя этого были начаты жестокие кампании по разрушению и уничтожению так называемого реакционного и чуждого культурного влияния католической церкви и вождей горцев на севере, так называемой старой и чуждой культуры бывших землевладельцев в некоторых преимущественно мусульманских районах, таких как Дельвина на юге, и так называемой буржуазной чуждой культуры представителей интеллигенции и профессионалов, получивших образование на Западе — просто потому, что они считались несовместимыми с коммунистической моралью и социалистической культурой.

В этот период задачей исследований народной культуры было изучение материальной и внутренней культуры албанского народа, как в Восточной Германии и других странах Восточной и Юго-Восточной Европы (*Hann et al.* 2005; *Mihăilescu et al.* 2008; *Boskovic, Hann* 2013), с более широкой точки зрения изучения социалистических преобразований и нового образа жизни в современном социалистическом обществе, ведущего к социалистическому национальному государству. Наконец, их призвали применить сталинскую концепцию построения новой народной культуры, которая должна быть «национальной по форме и социалистической по содержанию» (*Zojzi* 1959: 9).

Долгое время пресловутая формулировка Сталина о культуре при социализме повторялась как абсолютная истина, хотя сама по себе она не имела смысла, поскольку опыт многонационального Советского Союза был неприменим к такой маленькой и этнически однородной стране как Албания. В результате этого изучение народной культуры в Албании было обособленно от практики других академических традиций. В стремлении перенять советские дескриптивистские модели был сброшен со счетов национальный характер собственной культуры. В частности, так называемые дома культуры, при которых формировались самодеятельные ансамбли народного танца и музыки, были превращены в центры фольклоризма, который подрывал важные элементы культуры, злоупотребляя фольклором в политических целях.

Ключевые напряженные моменты XX съезда КПСС и подавление венгерского восстания 1956 г. показали, что процесс десталинизации в социалистическом блоке по иронии способствовал ресталинизации (*Jones* 2006). Период после разрыва с Советским Союзом в начале 1960-х годов, в Албании стал ассоциироваться с культурной сферой (*Mehilli* 2011). Несмотря на то, что хрущевский ревизионизм все чаще становился предполагаемой мишенью для критики Энвера Ходжи, в реальности под удар попало население Албании (*Blumi* 1999). Однако партийная конференция в Тиране в 1956 г. показала, что риторика конфликта не была направлена против недовольных бывших землевладельцев, враждебных вождей горцев и представителей скудного профессионального круга межвоенного периода, которые получили образование

на Западе. Скорее, Энвер Ходжа и его приближенные начали широкомасштабную «охоту на ведьм» в целях сокрушить новый профессиональный класс, в подавляющем большинстве получивший советское образование и пронизавший албанское государство. Главная задача состояла в том, чтобы создать новую культуру, несмотря на огромные затраты, вложенные в воспитание поколения, видевшего в советском социализме культурную модель для албанского общества.

В этом отношении исследователи народной культуры Албании оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны, они по-прежнему опирались на советский опыт и методологию, отстаивали старые принципы советской *этнографии*, а также сталинские догмы о народной культуре «национальной по форме и социалистической по содержанию». В то же время они осуждали любые достижения и нововведения в своих постоянных заявлениях о вкладе в идеологическую кампанию полномасштабной войны против советского ревизионизма. Эта ситуация, по сути, привела к еще большей изоляции от любой другой академической традиции, что усилило более догматическое отношение к самому советскому опыту.

Неудивительно, что в это время так называемые этнографические исследования даже «воспринимались как появившиеся вместе с народной культурой и традициями для защиты народа в сложные исторические периоды» (Hysa 2013: 137). Очевидно, что при таком восприятии их легче было использовать в целях культурной регламентации и систематического искажения истории, что навязывало изоляционистскую идеологию и этноцентрические взгляды. Тем не менее они представляли собой серьезное препятствие на пути создания желаемой социалистической культуры. Было неясно, можно ли сопротивляться силе традиции наряду с другим так называемым иностранным реакционным и нигилистическим влиянием, угрожавшим установлению социализма, или ее нужно полностью использовать для решения новой задачи по обеспечению революционных преобразований в социалистическом обществе в борьбе с любым влиянием со стороны так называемых чуждых и эксплуататорских проявлений ученой культуры (Zojzi 1959). В последующие годы, после внутренних чисток и публичных демонстраций новой идеологической ортодоксальности, исследования народной культуры получили новый импульс. Их использовали для поддержки масс в проведении еще одной жестокой кампании, которая вылилась в Культурную революцию в 1960-е годы.

Дальнейшая революционизация и изучение масс

В 1960-е годы, после разрыва с Советским Союзом и сближения с Китаем, в Албании началась культурная революция по китайской модели, направленная на мобилизацию народной культуры для удовлетворения идеологических притязаний коммунистического режима. Новая политика, впервые провозглашенная Энвером Ходжей в его докладе на V съезде Партии труда Албании в ноябре 1966 г. (далее: *Избранные труды*, IV: 114–208), положила начало серии крупных кампаний «сталинских» чисток, получивших известность благодаря «дальнейшей революционизации» (*revolucionarizimi mëtejshëm*) всего

социалистического образа жизни в Албании⁴. В печально известной речи в феврале 1967 г. Энвер Ходжа призвал к усилению культурной борьбы против религиозных верований и полному уничтожению организованной религии (*Избранные труды*, IV: 209–251), возложив на молодежное движение антирелигиозную миссию «создания первого в мире атеистического национального государства», что было окончательно санкционировано новой Конституцией в 1976 г. После еще одного выступления в июне 1967 г. было положено начало движению за эмансипацию женщин, направленному на революционизацию семьи и освобождение от пережитков консервативного и патриархального менталитета буржуазной идеологии (*Избранные труды*, IV: 261–284). Партийные работники, коммунистическая интеллигенция и преданные ученые постоянно пытались оправдать эту политику⁵ и настраивать молодежь⁶. Очевидной была попытка искоренить часть старых господствующих обычаев и традиций, сопутствуя лозунгу Мао, который подытоживает эксцессы Культурной революции, — «уничтожить четыре пережитка» (破四旧). Этим лозунгом в 1966 г. призывали молодежь уничтожить все, что считается «пережитком», широко подразумевая старые идеи, обычаи, культуру и традиции.

Более того, в кампаниях «дальнейшей революционизации» полностью задействовали народную культурологию в борьбе с «отсталыми обычаями» (*zakone prapanike*), которые, как считалось, были связаны либо с религиозными верованиями, либо с нормами общепринятого поведения. Энвер Ходжа тактично указал на некоторые «трудности» с партией на Севере и, в частности, с учеными в области народной культуры. Он рекомендовал провести всестороннюю оценку работы Штефана Гечови по нормам обычного права, чтобы «помочь ученым поставить хороший диагноз существующему состоянию общественных отношений на Севере, чтобы увидеть их радикальную трансформацию, их развитие и усилить нашу идеологическую, организационную и пропагандистскую работу» (*Избранные труды*, IV: 272). Данная рекомендация сыграла важную роль не только для Северной, но и для Центральной и Южной Албании, где в силу более высокого уровня развития не наблюдалось активного проявления обычаев. «Эти части нашей страны, — предупреждал Энвер Ходжа, — являются заложниками некоторых неписаных законов, являющихся ничем иным, как обычаями, о которых идет речь. Они варварским образом управляют жизнью людей, семей, родственных групп и т.д. и в этих частях страны» (*Speeches*, I: 143). Он недвусмысленно призывал, что из народной культуры и фольклора «надо сохранить то хорошее от народа, что выражает его настоящий дух, и отбросить ту часть, в форме или по существу, куда проникли идеология и влияние правящих классов, люмпенской мелкой буржуазии» (*Speeches*, I: 290–291).

В ходе этого не только литературное творчество перестало рассматриваться как частное произведение талантливого индивида (*Yzeiri* 2013), но и на-

⁴ Более ранние издания Избранных выступлений Энвера Ходжи обычно назывались «О дальнейшей революции в нашей Партии и жизни нашей страны в целом», Выступления 1967–1973 гг. [далее: *Speeches*].

⁵ *Rruga e Partisë* 1960/10, 50–58, 1961/7, 57–70, 1967/3, 18–25, 1967/5, 45–57, 1978/5, 70–80, 1984/4, 26–35, 1986/3, 61–73.

⁶ *Rruga e Partisë* 1955/11, 36–47, 1961/11, 26–32, 1965/5, 12–25, 1967/6, 38–51, 1972/11, 45–52, 1978/5, 48–58.

родная культура все чаще стала считаться надстроечным результатом вдохновения коммунистической эпохой. В некотором смысле, придя к власти, коммунисты выступили в роли новых апостолов, предоставив переработанную коллективную память, с помощью которой они начали строить новую культуру. Для этого коммунисты использовали код, основанный на описании того, как «наш народ строил свою культуру». Этот дискурс стал единственно верным и обязательным. Не случайно партийные идеологи, публиковавшиеся в журнале «*Путь партии*», уже тогда отмечали, что восприятие народной культуры через призму художественной деятельности, а также ансамблей народных песен и танцев, сильно сужает ее понятие. Задуманная как гораздо более широкое понятие, народная культура должна была «включать все сферы материальной и внутренней деятельности людей, относящиеся к политике, идеологии, морали, образу жизни, этике и, прежде всего, к труду и производству» (*Rruga e Partisë* 1967/3: 33).

В феврале 1969 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК Партии труда организовал важную конференцию, посвященную «некоторым вопросам общественных наук». В своем специальном докладе Неджмие Ходжа, жена Энвера Ходжи и директор Института, с самого начала недвусмысленно заявила, что общественные науки играют чрезвычайно важную роль в коммунистическом воспитании масс. Она откровенно призвала использовать общественные науки в качестве инструмента политического действия и настаивала на том, чтобы специалисты этой области показали положительное влияние этого использования в пропаганде и просвещении. Среди прочего она отметила необходимость пересмотреть «информацию о народных обычаях и образе жизни, собранную иностранными путешественниками сто лет назад в разных местностях, и, изучив ее через призму марксизма-ленинизма, использовать для сравнения с сегодняшними изменениями в стране» (*Rruga e Partisë* 1969/3: 62).

В своем выступлении на конференции директор Института истории и лингвистики (где в то время было сосредоточено изучение народной культуры) более четко поставил перед исследователями народной культуры эту неотложную задачу. Он настаивал на том, что пережитки обычаев в различных формах, а также любые другие отсталые обычаи, бесполезные верования или религиозные предрассудки должны быть тщательно исследованы в каждой местности, в каждой деревне и у каждого человека, чтобы выявить их предполагаемые глубокие корни. Исследователи народной культуры должны лучше переосмыслить то, как эти пережитки могут сохраняться в жизни людей и сдерживать развитие социально-экономической, культурной и идеологической революции как на севере, так и на юге. Такое исследование четко связано с идеологической борьбой за торжество новых принципов, направленной на усиление партийной пропаганды путем освещения реальных фактов социалистических преобразований во всех районах Албании, как на севере, так и на юге (*Kostallari* 1969: 120). В практическом плане данные систематического исследования старых традиций и отсталых обычаев были «использованы партийными комитетами и организациями для повышения ценности и результативности идеологической и организационной работы партии». Выражаясь иначе, «они обеспечивали более прочную основу для улучшения анализа и синтеза в идейной партийной работе с народом» и «они

определенно помогали партийным работникам лучше узнавать народ и легче доносить до него линию партии» (*Kostallari* 1969: 128). Таким образом, обычаи и традиции стали не просто объектом изучения, а превратились в средство достижения целей политики коммунистов.

В рамках этого, если бы народ был испытуемым производителем культуры, в исследовательском процессе также требовалось бы задействовать так называемые «исследования масс» (*studime nga masat*) под руководством местных партийных комитетов и государственных органов. В первую очередь «эта задача должна рассматриваться как непрерывная коллективная деятельность учителей, агрономов, ветеринаров, врачей, акушеров и даже сельских жителей, в каждом районе и каждой местности» (*Kostallari* 1969: 129). Примечательно, что в это время немногочисленные научные сотрудники в Албании полагались на значительное число местных помощников, которые предоставляли в архивы институтов достаточное количество информации «из поля». Под руководством партийных работников и чиновников эти помощники были преимущественно выходцами из массы рабочих, перед которыми поставили задачу проводить социальные исследования. Как ясно отметил сам Энвер Ходжа, в так называемые социальные исследования должны быть вовлечены все: эта «сложная работа требует убедительной пропаганды, полностью основанной на науке» (*Speeches*, II: 224). Таким образом, была установлена тесная связь между партийным, исследовательским и государственным аппаратом, включая небезызвестные службы безопасности (*Sigurimi*), отвечающие за постоянное информирование партии (*Nikolla* 2011: 106–107). Директор, отвечающий за марксистско-ленинскую методологию, настоятельно рекомендовал завершить сбор информации и фактов «основными докладами и любыми документами, найденными в делах партийного и государственного аппарата, а также массовых организаций» (*Rruga e Partisë* 1969/3: 61).

В своем выступлении директор Института изучения народной культуры решительно заявил, что нормы обычного права являются не чем иным, как синонимом «идеологической болезни и культурной отсталости, идущей из прошлого, от которой общество может оправиться только силой марксистско-ленинской идеологии» (*Kostallari* 1969: 131). Аналогичным образом другой выступавший, вскоре ставший самым авторитетным директором этого института, дал полное марксистско-ленинское теоретическое и методологическое обоснование для проведения эмансипации женщин и преобразования семейных отношений (*Uçi* 1969). Впоследствии изучение народной культуры было направлено скорее на ее использование в качестве инструмента для внедрения марксистско-ленинской идеологии, нежели на ее научный анализ.

К концу 1960-х годов обострение классовой борьбы против реакционных и отсталых обычаев, религиозных предрассудков и старого образа жизни поставило в изучении народной албанской культуры новые задачи. В обзорной статье два ведущих ученых в области исследований народной культуры «призвали выявить исторические корни и бороться с реакционными философскими основами порочных обычаев, которые сдерживают развитие общества». Нет сомнений в том, что они и их коллеги «сознательно направили свои усилия на замену их новыми обычаями», тем самым «непосредственно способствуя решению основных задач, поставленных Партией в отношении

дальнейшего развития и усиления идеологической и культурной революции в стране» (*Dojaka, Gjergji* 1969 [1972: 12]).⁷

Таким образом, изучение народной культуры могло отражать только одну реальность, а именно «объективный процесс развития общества в сторону коммунизма», поскольку диалектико-материалистические обобщения можно было сделать только при помощи указания верного пути к революционной практике. В докладе директора Института марксизма-ленинизма утверждалось, что это был единственный способ провести глубокий научный анализ, который бы раскрывал противоречия и их причины, объяснял тенденции развития борьбы нового со старым и показывал, какие меры следует предпринять, чтобы искоренить старое и открыть путь к социалистическим нововведениям (*Rruga e Partisë* 1969/3: 63). Другими словами, чтобы создать новую народную культуру, требовалось в том или ином виде провести культурную чистку.

Создание новой народной культуры

Именно в то время, когда «китайский» период в Албании подходил к концу, албанский вариант культурно-идеологической революции достиг своего политического апогея. В 1970-е годы новый этап «перманентной революции» в конечном итоге положил начало еще более жесткой классовой борьбе против религиозных верований и отсталых обычаев. Большую часть этой борьбы занимало осуждение отношения к народной культуре, которое наказывалось в ходе новой действующей доктрины. Согласно ей «народ» должен принадлежать к уникальному и бессменному национальному государству, построившему настоящий социализм. В своем обращении к партийному пленуму в июне 1973 г., направленном на усиление идеологической борьбы с напльвом «чуждых и консервативных проявлений» и с так называемым «либеральным отношением» к ним (*Избранные труды*, IV: 812–849), Энвер Ходжа высказывал обвинения в искажении архаизма и фольклоризма. Он осуждал «откровенно пренебрежительное отношение к фольклору и его великой художественной и общественной ценности», которое считалось причиной и служило аргументом оправдания «отступления от здорового национального фона» в профессиональном искусстве и литературе (*Избранные труды*, IV: 825). Иначе говоря, принцип классовой борьбы направлен на выявление как «либеральных», так и «консервативных» аспектов народной культуры. Новое содержание культурно-просветительской деятельности, новые пути и средства реализации новой культуры поощрялись к более глубокому проникновению в быт людей, как в семейную, так и в личную жизнь, как в северных, так и в южных районах (*Rruga e Partisë* 1968/7: 19–25). Таким образом, дальнейшее развитие и преобразование народной культуры подчинялось принципу, согласно которому, жизнь народа в целом и есть социалистическая культура и что все стороны общественной жизни должны быть задействованы в культурном, идеологическом и политическом образовании народа (*Rruga e Partisë* 1973/4: 7).

Эксперимент социалистической революции лучше всего отражен в тщательно продуманной концепции создания и переделки того, что часто назы-

⁷ Как ни странно, это же утверждение встречается почти дословно в недавнем сборнике (*Gjergji* 2001: 15), тогда как и в других сборниках приводятся почти идентичные утверждения (*Tirta* 2003).

вали революционным коммунистическим Новым Человеком, параллельно с формированием Советского Человека (Heller 1988), и что представлялось прототипом нового «народа» и альтернативой как западной декадентской, так и восточной ревизионистской субъективности. Новый человек возник как нравственный образец, очень скоро превратившийся в орудие войны и преследования всех тех, кто считался «старым» и не соответствовал нормам коммунистической морали, выступавшей за «нового» (Nikolla 2011). Революционное коммунистическое воспитание трудящихся было для Энвера Ходжи процессом «активной, беспощадной и принципиальной классовой борьбы против всех изъянов и влияния чуждых идеологий, будь то феодальная, патриархальная, буржуазная, мелкобуржуазная или ревизионистская» (Speeches, II: 90). Это деструктивное видение коммунистической морали превратило новую народную культуру в прямое идеологическое заявление и орудие войны для «разгрома реакционного влияния иностранной буржуазно-ревизионистской культуры и консервативных, клерикальных и патриархальных элементов старой мелкобуржуазной культуры» (Rruga e Partisë 1972/8: 37–39). Дальнейшее развитие и совершенствование культурно-массовой работы было тесно связано с выработкой более широкой концепции народной культуры, охватывающей все многообразие общественной деятельности и весь спектр социалистического быта (Rruga e Partisë 1978/3: 58). В этом контексте разграничения между материальной и духовной культурой или между обрядовым и художественным исполнением, а также другие дихотомии, возникшие в рамках измененных представлений о народной культуре, в еще большей степени скрыли структурные и функциональные основы культурных практик.

Программный документ, представленный на Национальной конференции этнографических исследований в 1976 г., который, можно считать, заложил основные принципы преобразования Института фольклора и, возможно, способствовал назначению первого официального директора реформированного Института народной культуры в 1979 г., ознаменовал начало работ по фиксации трансформаций, происходящих в социальных условиях и образе жизни при социализме (Uçi 1976)⁸. Согласно ему, «типичным и очень интересным обновлением фольклора» было изменение его функций, считавшееся «критической апроприацией народного культурного наследия, мотивированной социалистической идеологией». Хотя народ не полностью утратил свою духовную культуру, предполагалось, что религиозные, магические или обрядовые функции народной культуры «атрофировались», уступив место «в духовной жизни народа функциям художественно-эстетическим» (Uçi 1976: 79–80).

Со временем понятие культуры нации и народа приобрело дополнительный аспект. Оно все больше ассоциировалось с социалистической культурой и социалистическим бытом, а потому переоценивалось как национальная гордость и патриотизм за государственный социализм. В своем обращении к Национальной конференции этнографических исследований в 1976 г. президент Национальной академии наук описал, как изучение народной культуры должно было уравновешивать как националистическую, так и коммунистическую идеологии. Для этого исследователи должны были «участвовать в основных

⁸ Насколько нам известно, Альфред Учи является первым и к настоящему времени почти единственным ученым старого поколения, который критически оценил развитие дисциплины в социалистический период в Албании [Uçi, 1997], несмотря на то, что он умело избежал полного признания своей ответственности за многие события, подвергшиеся критике.

процессах революционных культурных преобразований» и «способствовать социалистической эмансипации албанского общества», «осознавая те существенные аспекты (классовой борьбы), которые определяют место и роль народной культуры в создании новой социалистической культуры» (*Buda 1977: 33–34*). Другими словами, исследователи должны не просто собирать традиции народной культуры. Они должны как изучать, так и преобразовывать весь комплекс пережитков прошлого, чтобы установить полную гегемонию новой морали.

Применение этой идеологической программы было многосторонним. Чтобы выявить закономерности человеческого творчества в условиях сельской жизни, возникли исследования, применявшие представления о специализации, существующей в высокой профессиональной культуре, по отношению к культуре народной. Хотя и отмечалось значение материальной культуры, культура народа определялась прежде всего как устная традиция, что исключало формы, созданные под влиянием высокой письменной культуры. Безусловно, исследователи народной культуры занимались изучением народного искусства и ремесел, фестивалей и праздников, народных песен и танцев, так как предполагалось, что они раскрывают самобытность сельских жителей, их творческие способности, эстетические чувства и другие ценности, которые ученая культура якобы игнорировала или отделяла от культуры трудящихся.

Проще говоря, сельской культуре отводилось новое место в спектре культурных ценностей. Фольклорные перформансы сельских жителей провозглашались утверждением сущности «нового человека социалистического сообщества, пропагандирующими новые эстетические идеалы, новое мировоззрение и психологию, и воплощающими преобразования образа жизни и нового художественного вкуса» (*Uçi 1976: 87–88*). Считалось, что сельские жители стали к тому времени «просвещенными» и давно отказались от своего архаичного образа жизни. После того как «коммунистические принципы стали ориентирами», они должны были глубоко осознавать непрерывное и всеобъемлющее преобразование социалистического общества. Даже дальнейшую революцию и массовое производство культуры взяли на себя рабочие и крестьяне, которые были заявлены как объект и субъект, как потребители, так и производители социалистической культуры (*Rruga e Partisë 1972/8: 36–45*).

После того как партия и сам Энвер Ходжа фактически монополизировали разработку идеологии и методологии, социальные исследования оказались полностью во власти идеологической пропаганды. В этом контексте в Албании пропагандировались народные костюмы, песни и танцы, а фольклор развивался не только для того, чтобы дать людям представление об их творческом и подлинном прошлом, но и для того, чтобы создать весьма специфическую культурную идентичность и передать ее последующим поколениям. Точно так же албанские исследования не должны были предоставлять точные знания о культуре, языке и истории народа. Прежде всего они служили идеологическим целям строительства реального социализма и поддерживали меняющуюся государственную политику коммунистического режима.

После VII съезда Партии труда в ноябре 1976 г., когда в результате политики режима Энвера Ходжи в Албании наступил тяжелый период полной изоляции (*Избранные труды*, V: 1–137), усилия в области изучения народной

культуры были направлены на воспитание чувства этнической сплоченности, аутентичности и превосходства над культурой соседей — славян и греков, что в то же время позволяло утверждать, что славянские и греческие соседи оказывали враждебное влияние, которое могло внутренне развращать «наших» крестьян и рабочих. Народная культура превозносилась за ее интегративную функцию по поддержанию и передаче местных и национальных традиций (Uçi 1984), а высокие искусства ученой культуры считались опасными, поскольку они могли налаживать связь с чуждой культурой других народов.

В этой связи албанский вариант перманентной культурно-идеологической революции способствовал почти истерической борьбе как за защиту национального характера культуры социалистического народа, так и против воспроизводства традиции как неотъемлемой части деревенской жизни, тем самым еще больше изолируя ее от других культур. Очевидно, что реформаторская кампания по изучению народной культуры была использована для того, чтобы подготовить почву для произвольного вмешательства и бюрократического управления в целях поддержания жизни народа и народной культуры под жестким контролем партии в последующие годы.

Изобретение фольклоризма

Во время социализма в Албании одержимость местной археологией Иллирии, одержимость местных албанских исследований в целом проблемой этногенеза и одержимость исследователей народной культуры проблемой аутентичности соединились с одержимостью исследователей социалистической современности обоснованием и утверждением так называемого аутентичного пути построения социализма и коммунизма. Это привело к тому, что в изучении народной культуры стало применяться практическое мышление, заимствованное из идеологического догматизма эмпирического материализма (Abazi 2010, 2011), который поощрял дескриптивизм и фольклоризм.

Установление тоталитарного режима, насильственная коллективизация сельского хозяйства, обнищание крестьян, бюрократизация общественной жизни, репрессии против всего, что не соответствовало партийной идеологии, дальнейшая революционизация, которая привела к так называемой перманентной культурной и идеологической революции – все это привело к сужению сферы применения народной культуры в общественной жизни, уравновешиванию многообразия условий жизни и сути человеческого существования. Например, албанские крестьяне были лишены собственности и либо «пролетаризированы» путем их вступления в сельскохозяйственные кооперативы, либо «урбанизированы» путем их миграции в только что выросшие социалистические города, либо «систематизированы» с помощью других централизованных мер. Тем не менее образ процветающей непорочной и социалистической народной культуры, уходящий своими корнями в досоциалистическую и некапиталистическую традицию, пропагандировался государственной идеологией, культивировался и осуществлялся специалистами по изучению народной культуры.

Похоже, что заведомое равнодушие этих ученых к теории должно было повлиять на их поведение в поле, побуждая их реконструировать данные об архаичных формах и образе жизни там, где таких данных не хватало. Мно-

гие из этих ученых вели себя очень неэтично, корректируя результаты своих исследований в соответствии с официальной догмой коммунистической идеологии и пропаганды. Многие исследования народной культуры долгое время были посвящены современному положению дел (*çështje të ditës*) и так называемым социалистическим изменениям в образе жизни. Выполняя эту задачу, многие ученые часто занимались этнографическим обоснованием раскулачивания, пролетаризации и урбанизации албанских крестьян. Среди прочего, научные нарративы о нормах обычного права и других традициях народной культуры использовались для оправдания государственной политики и принятия определенных политических решений, во многих случаях приводивших к культурным, социальным и экономическим катастрофам. Тем не менее при всеобщей изоляционистской и автаркической паранойе в различных сферах общественной жизни многие этнографические исследования оправдывали губительную коллективизацию земли и скота (*Haxhiu* 1963; *Gjergji* 1963, 1965, 1968, 1973; *Shkurti* 1976; *Qarri* 1976; *Luari* 1977). Очевидно, что они были представлены в свете социалистического экономического развития и так называемых великих преобразований от традиций к модернизации в образе жизни народа, включая необходимое сглаживание различий между городскими и сельскими, горными и равнинными местностями, а также между северными и южными районами (*Gjergji* 1963, 1965, 1968, 1973, 1979, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987; *Tirta* 1982, 1985, 1986, 1987). Они обосновывались соответствием принципам социалистического общества и требованиям партийного руководства.

Исследователи народной культуры приложили все усилия, чтобы изменить традиционные практики, которые идеологически расходились с социализмом, в то время как официальные представления об албанской культуре были в значительной степени основаны на домашней утвари и иных романтизированных атрибутах деревенской жизни, которые надежно хранились в национальных музеях и распространялись в официальных изданиях и посредством самодеятельности. Фольклорные фестивали в первую очередь демонстрировали торжество социалистического образа жизни и были национальной гордостью реального социализма. Они способствовали постановке и исполнению театрализованных представлений, которые должны были исполняться по всей стране без учета местных различий. Даже когда на ежегодном Национальном фольклорном фестивале демонстрировались региональные различия, представленные ремесла и обычаи были полностью оторваны от любых так называемых «отсталых» практик. К примеру, традиционный образ влюбленного в декорациях старого города, который, как считалось, возник под влиянием отсталой османской или восточной культуры, сменился образом «нового человека» из рабочей молодежи на фоне фабрик или сельхозкооперативов, где только и могла родиться настоящая социалистическая любовь. Таким же образом народные песни, танцы и костюмы были отделены от традиционных обрядов и праздников, чтобы обслуживать новые партийные ритуалы. Их задействовали на партийных торжествах, в юбилейные даты, во время визитов руководства партии и на демонстрациях.

Количество театральных постановок и произведений иных жанров профессионального искусства росло, что вывело на первый план проблему изменений в народной культуре. Это должно было быть выражено в так называемой социалистической культурной революции (*Xholi* 1977; *Uçi* 1976), в том,

что стало известно как «новое фольклорное движение» (Uçi 1980). Новое фольклорное движение пропагандировалось как признак «ускоренного революционизирующего прогресса», как «отрыв народа от отсталого прошлого и примитивного образа жизни и мышления», как шаг, который «соединил и включил людей в русло прогресса и цивилизации» (Uçi 1976). Чтобы оправдать политику преэминентности фольклорной традиции, социалистическая культура преподносилась как унаследованная неотъемлемая часть народной жизни, что должно было объяснить, почему «мужчины и женщины объединили свои сильные, звучные голоса для развития яркого народного искусства» в соответствии с партийной идеологией и достижениями социализма.

В рамках этого перед специалистами по изучению народной культуры поставили задачу дать псевдонаучное обоснование этого видения (Sako 1975; Uçi 1981; Xhagolli 1988). В соответствии с директивами партии они наметили критерии организации фольклорных фестивалей и воспроизведения традиционных костюмов (Zojzi 1975; Dojaka 1975; Gjergji 1975, 1977), держали под контролем новаторские направления в народном танце и музыке (Bogdani 1977; Kruta 1977), оценивали социальный и культурный статус исполнителей и актеров (Shituni 1988) и составляли описания этих представлений, нацеленные на то, чтобы проследить распространение нового фольклора (Panajoti, Kruta 1986; Shituni 1989; Uçi 1989).

Во многих отношениях народной культурой манипулировали, чтобы она стала тесно связана с процветающим культом Энвера Ходжи. В честь годовщин со дня рождения Энвера Ходжи, провозглашенного верховным лидером народа, на его родине устраивался Национальный фольклорный фестиваль. Вождь, как и партия, стал центральной фигурой так называемого нового фольклора.

Специалисты в области фольклора неустанно пытались обосновать это утверждение (Fico 1979). Они также подготовили серию описаний Национальных фольклорных фестивалей, посвященных Энверу Ходже и правящей партии (Xhagolli 1983; Shituni et al. 1986). Движение народной культуры достигло масштаба коллективной истерии, особенно после смерти вождя. Незамедлительно был составлен и опубликован двухтомный сборник фольклорных текстов в престижной серии «Албанское культурное наследие» Национальной академии наук (Uçi et al. 1985), за которым последовал еще один том фольклорных песен с нотами (Kruta et al. 1986). Таким образом, считалось, что народное сознание полностью трансформировалось в соответствии с партийной идеологией; коммунистический режим легитимизировался под аккомпанемент гимнов вождю.

Безусловный приоритет, отдаваемый принципу классового анализа, позволил искусственно продвигать так называемый новый фольклор или фольклор рабочего класса как неотъемлемую часть одновременно народной культуры и высокой художественной культуры, которые должны были представлять идеалы, принципы и образцы высокого искусства социалистического реализма (Uçi 1982). Таким образом, как более подробно изложено в другой работе (Doja 1998), исследователям народной культуры была поставлена задача обосновывать официально навязанные псевдоценности, идеалы и мировоззрение, которые были созданы под давлением партийной идеологии, но должны были

представлять позитивные изменения в образе жизни народа и социальные, экономические и политические достижения так называемой «перманентной революции» в Албании.

Национально-коммунистический проект культурной гегемонии

Авторитарная идеология на службе у правящего политического класса, по-видимому, скрывается за рассуждениями о так называемой аутентичности и новом фольклорном движении, которое процветало в официальных исследованиях. Отсылка к традиционным ценностям, которыми часто пренебрегают и манипулируют власти предрежащие, чаще всего была инструментом для осуществления абсолютной власти. То, что выдавалось за аутентичность, обычно сводилось к показу национального костюма, некоторых внешних фольклорных особенностей, поддержке танцевальных коллективов или организации фольклорных фестивалей, призванных славословить вождей и их деяния. Более предметно такое отношение свидетельствовало о недоверии и даже презрении элиты ко всем формам массового культурного творчества, которые ускользали от прямого контроля.

Инструментальный фольклоризм обычно соответствовал намерениям и целям партийной элиты. Ее политика в основном основывалась либо на идеологических и политических предпосылках, либо на чисто гегемонистских или экономических интересах, а часто и на их сочетании. Казалось бы, изучение народной культуры в те годы процветало. Эту дисциплину развивали, уважали и считали необходимой для национального государства, как *Volkskunde* в нацистской Германии (Roth 1998). Были созданы новые научные должности, реорганизованы институт и архивы народной культуры, созданы этнографические музеи и фольклорные фестивали, по всему миру проводились постоянные выставки, финансировались масштабные исследовательские проекты, публиковались многочисленные исследования, которые охватывали максимально широкую аудиторию. В результате изучение народной культуры было искажено, чтобы свести «народ» к рабочему классу. Ученые были вынуждены изучать исключительно *эту* народную культуру в *их* современном социалистическом обществе. Неудивительно, что они в значительной степени, а иногда и почти полностью, отказались от своего академического идеала и достоинства, своих теорий и методологий в пользу пропагандистской машины.

Как и в других бывших странах «народной демократии», манипулирование прошлым и настоящим входило в обязанности политиков и официальных писателей, историков, философов, экономистов, социологов и культурологов (Tarifa 1996), включая археологов, филологов и исследователей народной культуры, особенно культуры рабочих и крестьян. Как правило, в какой бы области они не работали, все было осведомлены о связи их деятельности с политическими интересами коммунистического режима. Однако, как и их коллеги в других бывших социалистических странах (Shanks, Tilley 1992), многие теперь, возможно, станут отрицать это и поддержат идеи академического нейтралитета или начнут винить в своих ошибках идеологическое влияние албанской диктатуры и цензуры (например, Tirta 2003: 87; Xhagolli 1997). Они могут даже сказать своим студентам и молодым коллегам, которые часто в силу наивности или из-за откровенного корпоративизма соглашались, что стиль их описательных работ по материальной культуре был просто

эмпирическим, техническим или исключительно научным, по крайней мере, основанным на данных полевых исследований. Это может позволить им, к их собственному удовлетворению, утверждать, что они сопротивлялись формальному политическому и идеологическому дискурсу или теоретическому анализу, основанному на историческом материализме.

Конечно, будет нереалистичным считать, что человек не может или не должен быть частью политического ландшафта. Также неуместно указывать, что должны или не должны делать ученые в области общественных наук. Проблема более серьезная. Довольно часто албанские ученые искали поддержки политического и государственного аппарата, чтобы обеспечить себе приличную академическую должность. Это касалось не только тех, кто занимал высокие академические должности и был связан с коммунистической партией, а таковыми были почти все директора научно-исследовательских институтов при коммунистическом режиме (такая ситуация сохраняется до сих пор), но и уважаемых ученых, ценимых за немецкое образование и, казалось бы, не вовлеченных в политику, таких как Алекс Буда или Экрем Чабей.

Модель национального государства и телеологический взгляд албанской официальной историографии, одержимые как иллирийским наследием, так и социалистическими преобразованиями, развились в коммунистической Албании после 1945 г. благодаря *Геноссе Алексу*, (как называли Алекса Буда), почтенному президенту Национальной академии наук «и его Партии» (*Schmitt* 2005). Аналогичным образом тупик в официальном развитии исторической филологии и албанистики в целом, застрявших в девятнадцатом веке, во многом обязан другой символической фигуре. Хотя Экрема Чабея активно продвигали монархические албанские, фашистские итальянские и нацистские режимы, и ему даже предлагали должность министра в правительстве оккупированной немцами Албании (*Martucci, Genesin* 2012), ему удалось стать неоспоримым теоретиком в коммунистическую эпоху несмотря на то, что коммунистический режим, по общему мнению, был крайне непримирим по отношению к представителям интеллигенции, получившим образование на Западе и работавшим при дореволюционных и оккупационных режимах. В таком случае неудивительно, почему его усилиями был сведен на нет интерес к современной теоретической лингвистике. В результате такие теоретические идеи, как сопоставительный анализ и коммуникативное мышление, разработанные Сельманом Ризой или Османом Мидерризи, не получили развития в албанских исследованиях⁹. Экрем Чабей, напротив, вернулся к дескриптивистским и историцистским закономерностям диахронических звуковых изменений (*Lautgesetze*), которые отстаивались старой немецкой школой младограмматиков (*Junggrammatikers*). Историзм этого методологического выбора свел объект лингвистического исследования к дескриптивистскому эмпиризму поверхностных явлений, таких как эссенциалистское описание исторических изменений албанского языка, но в то же время оказался необходимым для того, чтобы скомпрометировать албанские исследования в целом для соответствия партийной идеологии, направленной на эссенциализацию албанского этногенеза.

⁹ Реджеп Исмаили, «Рукописи, завещанные мне Сельманом Ризой», Shqiperia.com, 15 декабря 2009 г., <https://www.shqiperia.com/Doreshkrimet-qe-me-la-amanet-Selman-Riza.6529/>.

Некоторые ученые могли даже удачно внести собственную лепту в то, чтобы профессионально уничтожить или физически устранить своих коллег, осуждая их, предлагая их увольнение и т. д., как это имело место почти в любой другой сфере общественной жизни во время чисток в ходе дальнейших революционных кампаний в Албании. На самом деле довольно много достойных ученых потерпели серьезные неудачи в своей карьере из-за доноса в политическую полицию (*Sigurimi*) или из-за политического давления со стороны партии (например, востоковед Осман Мидерризи или исследователь устной эпической поэзии Кемаль Хаджихасани). Многие результаты их исследований подвергались внутренней цензуре, прежде чем их принимали в академических кругах, не говоря уже об их публикации, если последняя вообще разрешалась.

Очевидно, что преобладающим направлением развития народной культуры в Албании, как и албанистики в целом, было идеологическое искажение в интересах коммунистического режима. Исследования проводились в политической ситуации, в которой и ученые, и объекты этих исследований разделяли друг с другом одно и то же экзистенциальное состояние (*Lelaj* 2011: 220–221). Конечная цель их взаимодействия, намеренного или нет, заключалась в том, чтобы создать постоянную основу для легитимации строительства государственного социализма и укрепления диктаторского режима в Албании. Несомненно, пропаганда в некоторых академических работах присутствовала, чтобы исполнить минимальное риторическое обязательство. Тем не менее, некоторые работы были написаны исходя из конъюнктурных соображений. Многих ученых заботило не столько восприятие их работы в академических кругах или широкой публикой, сколько мнение и поддержка со стороны определенных партийных лидеров. Большинство ведущих ученых почти ни над чем не работали, кроме откровенной пропаганды коммунистического режима и разработки его идеологии, используя свой академический и профессиональный авторитет и даже подчас злоупотребляя им. Идеологическое и политическое раболепие среди ученых во многих случаях навязывалось, полностью их подчиняя, что практически лишало их смелости в науке. Безусловно, некоторые проводили исследования напрямую на благо коммунизма таким образом, чтобы извлечь из него личную выгоду.

Политически направленная деятельность специалистов в области народной культуры должна была способствовать важнейшему процессу эстетического и культурного очищения в борьбе с противодействующими пережитками прошлого и чуждыми проявлениями иностранного влияния. В этом культуралистском проекте политического фольклоризма можно считать, что исключаящее социально-классовое понимание «народа» имеет более конкретную параллель с этнорелигиозными и этнорасовыми категориями «народа», которые в дополнение к советскому сталинизму, как показано в более подробно в другой работе (*Doja* 2014b), специально использовались для поддержки таких шовинистически и идеологически заряженных проектов, как итальянский фашизм, немецкий нацизм и сербский национализм.

Поскольку фольклорные исследования народной культуры, как известно, не направлены на социальный анализ власти, практики и процессов, их предмет обычно находится в культурной изоляции. Под предлогом эффективности или, проще говоря, из-за отсутствия какого-либо подлинного культурного и социального проекта сфера фольклоризма как псевдокультурный проект

реконструкции и манипуляции обычно сводила заявки на идентичность к набору застывших ценностей. В конечном счете традиционалистский подход, применяемый в албанистике, сводился к простым требованиям выявить реальные или воображаемые корни народной культуры, в то время как идеализированная концепция изымала культуру из истории и общественной жизни. Установка на ограничение исследований собственным национальным государством и культурой, а также двойственные эмоции, вызванные тем, что традиционная культура считалась одновременно и признаком отсталости, и источником идентичности, благоприятствовали не только расчетливому искажению фактов, но и серьезной социальной изоляции.

Великая революционная миссия общественных наук, и в частности изучения народной культуры, состояла в том, чтобы обеспечить решение социальных проблем, возникших в ходе социалистических преобразований. В этом процессе народная культура стала воображаемой реальностью воображаемого улучшения жизни и благосостояния воображаемого народа. Именно это в значительной мере обеспечило эмоциональные и иррациональные формы идентификации, и в то же время легитимировало любые формы эксклюзии и нетерпимости. Это также придавало воображаемой народной культуре ее реальную функцию и обеспечивало угнетающее коллективное единство. Очевидно, что такое систематическое изобретение традиции стало во многих отношениях опасным, в частности потому, что оно допускало настоящие политические манипуляции, которые в конечном итоге помогли оправдать поспешные и нетолерантные политические решения.

Новое видение народной демократии как общества без внутренней борьбы требовало новой идеологической модели, которая могла бы создать новый образ единства и гомогенности. Она была обеспечена национальной моделью социализма, основанной на сталинской концепции народной культуры, которая должна быть «национальной по форме и социалистической по содержанию», и которая стала лозунгом, непосредственно выдвигаемым правящей партией. Если принцип национализма «утверждает, что политическая общность и национальная общность должны совпадать» (Gellner 1983: 11), то в Албании, более чем где-либо еще в Восточной и Юго-Восточной Европе, социалистическая общность должна была быть компактной и достаточно гомогенной. В этом контексте, хотя специалисты говорили лишь о спасении так называемой традиционной культуры, их деятельность включала культурную инженерию, наполовину описательную, наполовину нормативную, порой резкую и жестокую. В Албании внедрение социалистических принципов изучения народной культуры можно рассматривать как результат принудительной ассимиляции и принятия многими людьми албанских культурных норм социалистического государства. В противном случае, выражаясь языком того времени, людей необходимо исключить или «заменить» (*qarkulluar*), клеймить «деклассированными» (*deklasuar*) и «врагами народа» (*armik i popullit*), они должны быть подвергнуты «перевоспитанию» (*riedukim*), отправлены во «внутреннюю ссылку» (*internim*), заключены в тюрьму или убиты.

В этом контексте изучение народной культуры играло чрезвычайно важную, а иногда и разрушительную роль в жизни многих людей. Практика

и дискурс исследований в этой области обернулись физическим применением социальной инженерии и политикой преследований, с помощью которых государственная власть в рамках программы преобразований дискредитировала традиционные ценности и культурные особенности некоторых албанцев. Придавая легитимность и подводя теоретическую базу под характеристику жизни и культуры некоторых людей как отсталой, а потому чуждой и разлагающей, они в конечном счете оправдывали политику классовых репрессий, изгнания и переселения. Таким образом, изучение народной культуры в большей степени, чем другие социальные науки, по-видимому, обеспечивало теоретическую основу политике контроля над всем населением и поддерживало страшные репрессии, которые имели место в Албании, как и в других социалистических странах.

Эта история показывает не только то, как романтическое наследие XVIII в. было искажено учеными XX в. путем применения как культурных, так и политических средств, (более подробно см.: *Doja* 2015), но и, что более важно, насколько легко научные исследования в целом могут быть искажены либо использованы в политических интересах. Политика коммунизма, партийный авторитаризм и сталинская тирания вместе с крайним национализмом оказали свое влияние на изучение культуры албанского народа. Однозначно исследования в области народной культуры во времена социализма в Албании, как и в других странах (показателен пример *Volkskunde* в Германии) (*Doja* 2014a, 2014b), необходимо безоговорочно осудить за поддержку репрессивной и дискриминационной политики. В силу своих консервативных национальных и политических целей они были крайне расположены, если не предопределены, к использованию и злоупотреблению при коммунистическом правлении в качестве национальной науки, которая могла бы систематически укреплять государственный контроль. Средства, с помощью которых навязывалось социально-классовое представление о народной культуре и национальной идентичности, также подрывали культурные корни национального сознания, что имело последствия для национальной сплоченности и оставило неизгладимый отпечаток в социальном устройстве албанского общества. Вот почему необходимо рассказывать историю дисциплины, склонность которой к национально-социалистической идеологии и консервативному мышлению сопутствовала приходу к власти коммунистов. Полное признание этого факта может стать еще одним примером готовности албанского посткоммунистического общества осмыслить свое коммунистическое прошлое.

Заключение

То, как исследования народной культуры работали на изучение и создание определенного социально-классового деления «народа», вместе с насильственной изоляцией отсталого «другого», показывает, что этот подход способствовал превращению науки в политический инструмент коммунистической пропаганды, культурной гегемонии и государственного контроля, который в конечном итоге дестабилизировал социальную структуру албанского общества. В этом плане целью данной статьи было показать, как тоталитарные режимы используют производство знаний и манипулирование культурой в своих собственных гегемонистских целях, в частности, как социальные науки используются для обеспечения долговечности режима путем легитимации репрессивной политики и обоснования преследования некоторых «культурно

отсталых» членов общества во имя нации и народного образа жизни. Предложен вклад в теоретическое знание, полученный путем изучения процессов производства знаний и политического контроля в Албании во времена коммунизма для оправдания политики культурной гегемонии. Аргументы и выводы, полученные в результате критической оценки политического и идеологического контекста, в котором развивалась албанская наука, могут быть полезны для анализа использования исследований коренных народов в националистических и коммунистических контекстах в Восточной Европе и в так называемых социалистических обществах.

Если такой социально-научный подход закрепится в качестве жизнеспособного направления в Албании, как и везде, в его рамках нужно будет уделять больше внимания его собственному социальному воспроизводству. Таким образом, задача заключается не просто в том, чтобы обобщить предыдущие и устоявшиеся взгляды и мнения, а, скорее, поставить под сомнение те ранее устоявшиеся мнения и практики, которые сегодня кажутся предосудительными, хотя все еще действуют в албанской политике знаний. В конечном счете, нам необходимо подумать о том, как конструктивно взаимодействовать с прошлым таким образом, чтобы сформировать видение обновленного подхода в албанских исследованиях с точки зрения тех важных и ориентированных на международный уровень позиций, которые нам необходимо укреплять и продвигать сегодня.

Последствия эссенциализирующих дискурсов, которые пронизывают албанские исследования народной культуры, безусловно, кажутся необычными и трудными для понимания, если схематично использовать категории, разработанные в современной науке. В свою очередь, четкий анализ основных интеллектуальных традиций и их влияния, связанный с тщательным изучением исторического контекста в идеологической перспективе, вероятно, приведет к более глубокому пониманию культурного партикуляризма албанских исследований в период социализма. Вместе с анализом исторической, культурной и политической среды, в которой возник ряд важных идей и практик в исследованиях народной культуры в Албании, целью данной статьи было сформулировать аргументацию таким образом, чтобы сосредоточиться на критической переоценке различных направлений научных знаний и принять во внимание тесную связь развития албанских исследований с меняющимися контекстами и идеологиями в коммунистической Албании.

С методологической точки зрения мы стремились провести сравнительный анализ идей и практик, а не найти сухие доказательства. Предложенный здесь критический подход, возможно, не является исчерпывающим; ряд вопросов, которые остаются открытыми, потребуют дополнительной работы историков. Эта статья может стать отправной точкой для начала неподвзвешанной дискуссии о развитии албанистики в коммунистической Албании, она является лишь одной из возможных альтернатив. Мы надеемся, что данная статья послужит стимулом для более глубоких исследований и размышлений, в которых могут быть предложены и иные интерпретации. В конечном итоге, проблематика данной статьи не только показывает, как изучать социально-структурные аспекты производства знаний, но также может иметь важное теоретическое и методологическое значение, выходящее за рамки конкретных вопросов, рассматриваемых в этой статье.

Благодарности

Нам очень помогли выступления, обсуждения, комментарии и поддержка всех тех, кто принимал участие, а также множества друзей и коллег, которые читали отрывки данной статьи на разных этапах и помогли улучшить аргументацию: Крис Ханн, Кристиан Джордано, Андре Гингрич, Клаус Рот, Кристиан Восс, Стефан Воель, Александр Бошкович, Памела Боллинджер, Весна Година, Евтимиос Папатаксиархис, Юрий Фикфак, Райко Мурсич, Роберт Гэри Миннич. Мы также очень признательны анонимным рецензентам за их ценные замечания и предложения.

*Перевод с английского
Е.С. Ерофеева*

Научная литература

- Abazi E.* Tranzicioni i munguar në shkencat sociale shqiptare: deskriptivizmi empiriko-historicist kundrejt qasjes kritiko-analitike // Polis. 2010. No 9. P. 63–76.
- Abazi E.* Tranzicioni dhe shkencat sociale shqiptare: një qasje kritike // Politikës. 2011. No. 2. P. 209–215.
- Bardhoshi N.* Teoria etnografike e Rrok Zojzit mbi të drejtën kanunore: Një vështrim kritik // Kult. Pop. 2009. Vol. 28 (1–2). P. 69–94.
- Bausinger H.* Volkskunde ou l'ethnologie allemande: de la recherche sur l'antiquité à l'analyse culturelle. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 1993.
- Blumi Isa* Hoxha's class war: the cultural revolution and state reformation 1961–1971 // East Eur. Q. 1999. Vol. 33 (3). P. 303–326.
- Bogdani R.* Tendances d'innovation du folklore chorégraphique albanais aux conditions du développement de la société socialiste // Conférence Nationale des Études Ethnographiques (28–30 juin 1976). Tirana: Académie des Sciences, 1977. P. 583–589.
- Boskovic A., Hann C.* (Eds.). The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2013.
- Bromley Y., Kozlov V.* The theory of ethnos and ethnic processes in Soviet social science // Comp. Stud. Soc. Hist. 1989. Vol. 31 (3). P. 425–438.
- Buda A.* Etnografia shqiptare dhe disa probleme të saj — L'ethnographie albanaise et ses problèmes // Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike — Conférence Nationale des Études Ethnographiques, 28–30 juin 1976. Tirana: Académie des Sciences, 1977. P. 15–35 [Fr. P. 19–43].

- Cabanes P.* Archéologie et identité nationale en Albanie au XXe siècle // Dialogues d'Histoire Ancienne. 2004. Vol. 30 (1). P. 115–122.
- Chirot D.* (Ed.). The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989. Seattle: University of Washington Press, 1991.
- Dalipaj G.* Domesticating the domestic: the house in Albanian ethnography during the communist regime // Annu. Yearb. Albanian Hist. Anthropol. Stud. 2012. No. 2, P. 9–38.
- Doja A.* Évolution et folklorisation des traditions culturelles // East Eur. Q. 1998. Vol. 32 (1). P. 95–126.
- Doja A.* Folkloric archaism and cultural manipulation in Albania under socialism // The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991 / Eds. A. Boskovic, C. Hann. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2013a. P. 153–174.
- Doja A.* Invitation au terrain: Mémoire personnel de la construction du projet socio-anthropologique. Bruxelles: Peter Lang, 2013b.
- Doja A.* The Beautiful Blue danube and the Accursed Black Mountain Wreath: German and Austrian Kulturpolitik of knowledge on Southeast Europe and Albania // Soz. Welt Z. für sozialwissenschaftliche Forsch. Prax. 2014a. Vol. 65 (3). P. 317–343.
- Doja A.* From the German-speaking point of view: unholy Empire, Balkanism, and the culture circle particularism of Albanian studies // Critique Anthropol. 2014b. Vol. 34 (3). P. 290–326.
- Doja A.* From the native point of view: an insider/outsider perspective on folkloric archaism and modern anthropology in Albania // Hist. Hum. Sci. 2015. Vol. 28 (4). P. 44–75.
- Dojaka A.* Veshjet popullore dhe ansamblet folklorike // Simpozium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973). Tiranë, 1975. P. 146–151.
- Dojaka A., Gjergji A.* Rezultatet e punës në fushën e etnografisë gjatë 25 vjetëve // Stud. Hist. 1969. Vol. 6 (4). P. 107–119.
- Feder K. L.* Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology, seventh ed. McGraw-Hill. New York, 2011.
- Fico A.* Partia në këngën e popullit. 8 Nëntori. Tiranë, 1979.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- Gjergji A.* Provë për një studim etnografik në kooperativën bujqësore Shkëndia në rrethin e Korçës // Etnogr. Shqip. 1963. No. 2. P. 81–109.
- Gjergji A.* Ndryshime në mënyrën e jetesës së fshatarësisë kooperativiste // Konferenca e Parë e Studimeve Albanologjike, 15–21 Nëntor 1962. Tiranë, 1965. P. 626–632.
- Gjergji A.* Ndryshime në pozitën familjare të gruas fshatare (sipas materialeve të mbledhura në kooperativën Çlirim në fshatin Pojan të rrethit të Korçës) // Stud. Hist. 1968. Vol. 5 (4). P. 89–99.

- Gjergji A.* Disa probleme në lidhje me zhvillimin e familjes së sotme fshatare // Stud. Hist. 1973. Vol. 10 (4). P. 73–86.
- Gjergji A.* Tradita dhe evoluimi në veshjet popullore // Simpozium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973). Tirana, 1975. P. 80–89.
- Gjergji A.* Mbi disa kritere të vlerësimit të veshjeve popullore // Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike. Tirana, 1977. P. 397–402.
- Gjergji A.* Ndryshimet e mëdha në mënyrën e jetesës në fshat dhe priqjet e zhvillimit në të ardhmen // Konferenca Kombëtare për problemet e ndërtimit socialist. Tirana, 1979.
- Gjergji A.* Raporti midis strukturës së familjes kooperativiste dhe hapësirës së banuar prej saj (në fushën e Korçës) // Kult. Pop. 1981. Vol. 2 (2). P. 27–37.
- Gjergji A.* Le village en tant que territoire d'habitation et unité sociale // Ethnogr. Albanaise. 1983. n° 12.
- Gjergji A.* L'ethnographie et le village albanais d'aujourd'hui // Stud. Albanica. 1984. Vol. 21 (2). P. 95–98.
- Gjergji A.* Les transformations du mode vie de la paysannerie contemporaine // Ethnogr. Albanaise. 1985. n° 14. P. 5–34.
- Gjergji A.* Le développement économique et la modification du mode de vie de la campagne // Cult. Pop. Albanaise. 1986. n° 6. P. 57–68.
- Gjergji A.* Tradita dhe risi në mënyrën e jetesës në fshat // Kult. Pop. 1987. Vol. 8 (2). P. 53–60.
- Gjergji A.* Ligjërata për etnologjinë shqiptare. Tirana: Extra, 2001.
- Gjergji A.* Mënyra e jetesës në shekujt XII–XX. Tirana: Kotti, 2002.
- Gjergji A.* Arti i zbatuar popullor. Tirana: Ilar, 2006.
- Hann C., Sarkany M., Skalnik P.* (Eds.). Studying Peoples in the People's Democracies: socialist era Anthropology in East-Central Europe. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2005.
- Haxhiu F.* Kooperativa blegtorale-bujqësore Asim Zeneli (1947–1959) // Etnogr. Shqip. 1963. No. 2. P. 3–49.
- Heller M.* Cogs in the Wheel: the Formation of Soviet Man. New York: Knopf, 1988.
- Herzfeld M.* Ours once More: folklore, Ideology and the Making of Modern Greece. Austin: University of Texas Press, 1982.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (Eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Hofer T.* Anthropologists and native ethnographers in central european villages: comparative notes on the professional personality of two disciplines // Curr. Anthropol. 1968. Vol. 9 (4). P. 311–315.

- Hysa A.* Ethnography in communist Albania: nationalist discourse and relation with history // *Hist. Semin.* 2010. No. 8. P. 103–125.
- Hysa A.* Mbi studimin e qytetit në etnografinë shqiptare të periudhës socialiste // *Kult. Pop.* 2011. Vol. 30 (1–2). P. 163–187.
- Hysa A.* Albanian ethnography at the margins of history 1947–1991: documenting the nation in historical materialist terms // *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991* / Eds. A. Boskovic, C. Hann. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2013. P. 129–151.
- Jones P.* The dilemmas of de-Stalinization: negotiating cultural and social change in the Khrushchev era. London/New York: Routledge, 2006.
- Kostallari A.* Mbi shtrirjen e shtresëzimit të së drejtës kanunore në Shqipëri dhe mbi disa çështje që lidhen me studimin e saj e me organizimin e luftës kundër mbeturinave të së vjetrës // *Disa probleme të studimeve shoqërore*. Tirana: Naim-Fraseri, 1969. P. 120–131.
- Kruta B.* Rapport entre l'authenticité et le caractère de spectacle dans le folklore contemporain // *Conférence Nationale des Études Ethnographiques, 28–30 juin 1976*. Tirana: Académie des Sciences, 1977. P. 573–582.
- Kruta B., Shituni S., Xhagolli A.* (Eds.). Enver Hoxha tungjatjeta: Këngë e melodi. Tirana: Institut de Culture Populaire, 1986.
- Lelaj O.* Një analizë kritike e studimeve etnografike shqiptare mbi shoqërinë e real socializmit në Shqipëri // *Kult. Pop.* 2011. Vol. 30 (1–2). P. 199–224.
- Luari N.* Kolektivizimi i bujqësisë: faktor vendimtar për shndërrimet në psikologjinë e fshatarëve // *Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike, 28–30 qershor 1976*. Tirana: Akademia Shkencave, 1977. P. 295–299.
- Martucci D., Genesis M.* Gjuha dhe kultura shqipe në veprimtarinë e Qendrës së Studimeve për Shqipërinë (Centro Studi per l'Albania, 1939–1944) // *Shqipja dhe gjuhët e Ballkanit — Albanian and Balkan Languages* / Eds. R. Ismajli. Prishtina: ASHAK, 2012. P. 595–607.
- Mehilli E.* Defying de-stalinization: Albania's 1956 // *J. Cold War Stud.* 2011. Vol. 13 (4). P. 4–56.
- Mihailescu V., Iliev I., Naumovic S.* (Eds.). Studying Peoples in the People's Democracies II: Socialist era Anthropology in South-East Europe. Münster/Berlin: LIT-Verlag, 2008.
- Muka A.* Ndërtimet tradicionale fshatare (shek. XVIII–XX): Monografi etnologjike. Tirana: Akademia e Shkencave, 2007.
- Naumovic S.* Romanticists or double insiders? an essay on the origins of ideologised discourses in Balkan ethnology // *Ethnol. Balk.* 1998. No. 2. P. 101–120.
- Nikolla A. P.* L'uomo nuovo albanese: Tra morale comunista e crisi della transizione. Roma: Bonanno, 2011.

- Noack K., Krause M.* Ethnographie as a unified anthropological science in the German democratic republic // *Studying Peoples in the People's Democracies: socialist era Anthropology in East-Central Europe* / Eds. C. Hann, M. Sarkany, P. Skalnik. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2005. P. 25–54.
- Osiatynski W.* Revolutions in eastern Europe // *Univ. Chic. Law Rev.* 1991. Vol. 58 (2). P. 823–858.
- Panajoti J., Kruta B.* Le folklore albanais à l'époque du Parti communiste // *Cult. Pop. Albanaise.* 1986. n° 6.
- Qarri N.* Ndryshime në mënyrën e jetesës së fshatarësisë kooperativiste në Lekaj // *Stud. Hist.* 1976. Vol. 13 (4). P. 187–192.
- Roth K.* Folklore and nationalism: the German example and its implications for the Balkans // *Ethnol. Balk.* 1998. No. 2. P. 69–79.
- Sako Z.* Festivali Folklorik Kombëtar i Gjirokastrës 1973: Etapë e rëndësishme e artit dhe e kulturës sonë popullore socialiste // *Simposium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973).* Tirana, 1975.
- Schmitt O. J.* Genosse Aleks und seine Partei, oder: Zur Politik und Geschichtswissenschaft im kommunistischen Albanien (1945–1991) // *Beruf und Berufung: Geschichtswissenschaft und Nationsbildung in Ostmittel- und Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert* / Eds. M. Krzoska, H.-C. Maner. Münster: LIT-Verlag, 2005. P. 143–166.
- Schwandner-Sievers S.* Jungfrauen und Elefanten im Porzellanladen: Zur internationaler Herausforderung der albanischen Ethnologie im Postsozialismus // *Albanische Geschichte: Stand und Perspektiven der Forschung* / Eds. O.J. Schmitt, E. Frantz. München: Oldenbourg, 2009. P. 187–214.
- Shanks M., Tilley C. Y.* *Re-constructing archaeology: theory and Practice*, second ed. London: Routledge, 1992.
- Shituni S.* Cilësia si problem themelor i artit muzikor popullor // *Kult. Pop.* 1988. No. 9. P. 25–38.
- Shituni S.* Art origjinal, i pasur dhe i gjallëshëm: Muzika popullore në Festivalin folklorik kombëtar 1988 // *Kult. Pop.* 1989. Vol. 10 (1). P. 13–22.
- Shituni S., Daja F., Pano N.* (Eds.). *Këngë e melodi nga festivalet folklorike.* Tirana: Institut de Culture Populaire, 1986.
- Shkurti S.* Vështrim etnografik mbi zonën e Vurgut // *Etnogr. Shqip.* 1976. No. 8. P. 111–158.
- Shkurti S.* *Tradita bujqësore ndër shqiptarë.* Tirana: Akademia e Shkencave, 2004.
- Tarifa F.* Neither bourgeois nor communist science: sociology in communist and post-communist Albania // *Communist Post-Communist Stud.* 1996. Vol. 29 (1). P. 103–113.
- Tërta M.* Vështrim rreth popullsisë së ardhur në vendbanimet e krijuara pas Çlirimit në mjedise bujqësore // *Etnogr. Shqip.* 1982. No. 13. P. 5–29.

- Tirta M.* Reforma agrare dhe lëvizjet e popullsisë fshatare // Kult. Pop. 1985. Vol. 6 (2). P. 43–62.
- Tirta M.* Les mouvements contemporains de la population et le développement des villes albanaises // Ethnogr. Albanaise. 1986. n° 15. P. 5–34.
- Tirta M.* Lëvizje migruese te brendshme të popullsisë // Etnogr. Shqip. 1987. No. 16. P. 33–64.
- Tirta M.* Migrime të Shqiptarëve: të brendshme dhe jashtë atdheut. Tirana: Akademia e Shkencave, 1999.
- Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tirana: Geer, 2003.
- Tirta M.* Mitologjia ndër Shqiptarë. Tirana: Akademia e Shkencave, 2004.
- Tirta M.* Panteoni e simbolika: doke e kode në etnokulturën shqiptare. Tirana: Ilar, 2007.
- Uçi A.* Mbi disa aspekte kryesore metodologjike për studimin e problemit të familjes // Disa probleme të studimeve shoqërore. Tirana: Naim-Fraseri, 1969. P. 162–170.
- Uçi A.* Vendi i artit popullor në kulturën artistike socialiste // Stud. Filol. 1976. Vol. 13 (3). P. 13–32.
- Uçi A.* (Ed.). Probleme të zhvillimit të folklorit bashkëkohor [Issues of the evolution of contemporary folklore]. Tirana: Akademia e Shkencave, 1980.
- Uçi A.* Le Festival Folklorique National de 1978: questions actuelles des sciences ethnographiques et folkloriques // Cult. Pop. Albanaise. 1981. n° 1. P. 7–24.
- Uçi A.* Mitologjia, Folklori, Letersia. Tirana: Naim-Fraseri, 1982.
- Uçi A.* La Culture populaire traditionnelle et ses fonctions ethniques // Cult. Pop. Albanaise. 1984. n° 4. P. 19–44.
- Uçi A.* Le folklore actuel avec les nouvelles splendeurs de notre temps // Cult. Pop. Albanaise. 1989. n° 9. P. 9–13.
- Uçi A.* Për një rivlerësim kritik të përvojës së zhvillimit të kulturës popullore // Kult. Pop. 1997. Vol. 18 (1–2). P. 173–186.
- Uçi A.* Estetika e Folklorit. Tirana: Akademia e Shkencave, 2007.
- Uçi A.* et al. (Ed.). Enver Hoxha në këngët e popullit. Tirana: Akademia e Shkencave, Instituti i Kulturës Popullore, 1985.
- Ullqini K.* Struktura e shoqërisë tradicionale shqiptare. Shkodra: Idromeno, 2003.
- Valtchinova G.* Folkloristic, ethnography, or anthropology: Bulgarian ethnology at the crossroads // J. Soc. Anthropol. Eur. 2004. Vol. 4 (2). P. 2–18.

- Vehbiu A.* Shqipja totalitare: tipare të ligjërimit publik në Shqipërinë e viteve 1945–1990. Tirana: Çabej, 2009.
- Voell S.* The Kanun in the ethnographic self-description: research into Albanian traditional law during socialism // *Sociology and Ethnography in East-Central and South-East Europe: Scientific Self-description in State Socialist Countries* / Eds. U. Brunnbauer, C. Kraft, M. Schulze-Wessel. München: Oldenbourg, 2011.
- Wallace A. F.C.* Revitalization movements // *AA*. 1956. Vol. 58 (2). P. 264–281.
- Xhagolli A.* (Ed.). Truall me këngë. Tirana, 1983.
- Xhagolli A.* (Ed.). Festivali folklorik kombëtar. Tirana, 1988.
- Xhagolli A.* Arritje dhe probleme të folkloristikës dhe të etnologjisë shqiptare // *Kult. Pop.* 1997. Vol. 18 (1–2). P. 3–15.
- Xholi Z.* La révolution culturelle socialiste et la culture populaire nationale // *Conférence Nationale des Études Ethnographiques*, 28–30 juin 1976. Tirana: Académie des Sciences, 1977. P. 65–85.
- Yzeiri I.* Semiopragmatika e realizmit socialist (1944–1949). Tirana: Onufri, 2013.
- Zojzi R.* Etnografia shqiptare dhe veprimtaria shkencore e zhvillueme në këtë fushë // *Bull. i Univ. Shtetëror të Tiranës Ser. Shk. Shoqërore*. 1959. No. 4. P. 153–161.
- Zojzi R.* Për një trajtim shkencor të veshjes popullore // *Simpozium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973)*. Tirana, 1959. P. 52–60.

Research Article

Abazi, Enika, Doja, Albert, From the communist point of view: Cultural hegemony and folkloric manipulation in Albanian studies under socialism [S kommunisticheskoi tochki zreniia: kul'turnaia gegemoniia i manipulatsii fol'klorom v albanistike pri sotsializme]. *Anthropologies*, 2022, no 2, pp. 129-170 doi 10.33876/2782-3423/2022-2/129-170

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Enika Abazi | <https://orcid.org/0000-0003-2482-5691> | enika.abazi@univ-lille.fr | Peace Research Institute, France

Albert Doja | <https://orcid.org/0000-0001-5378-8362> | albert.doja@univ-lille.fr | University of Lille, France

Keywords: People's culture, Folklore, Folklorism, Socialism, Communist regime, Albania, Southeast Europe

Abstract

In the standard folkloric and ethnographic tradition of Albanian studies, various efforts to seize an authentic, traditional and popular culture, supposed to have really functioned in a society of official ideology, were devoted primordially to a catalogue of descriptivist

and empiricist research, which only served to confirm the ultimate goal of constructing a primarily essentialized national specificity and a particularly antiquated view of national culture. Whereas the long-term continuities in the Albanian studies of people's culture (kultura popullore), which pre-dated and out-lived socialism, together with the ambiguous relationship to anthropology are emphasized elsewhere, in this paper we look more closely at the limited changes and innovations that occurred in the decades of communist regime in Albania. The aim is to uncover how the traditional ethnographic-folkloric studies of people's culture, marked by intellectual isolation and stigmatized by association with moralist and nationalist ideologies, were mobilized to service the shifting ideological needs and state policies towards the cultural hegemony of the communist regime.

References

- Abazi, E. 2010. Tranzicioni i munguar në shkencat sociale shqiptare: deskriptivizmi empiriko-historicist kundrejt qasjes kritiko-analitike [Missing transition in Albanian Social Sciences: empirical-historicist descriptivism versus critical-analytical approach]. *Polis*, 9: 63–76.
- Abazi, E. 2011. Tranzicioni dhe shkencat sociale shqiptare: një qasje kritike [Transition and Albanian Social Sciences: a critical approach]. *Politiks*, 2: 209–215.
- Bardhoshi, N. 2009. Teoria etnografike e Rrok Zojzit mbi të drejtën kanunore: Një vështrim kritik. [Rrok Zojzi's ethnographic theory on Canon Law. A critical condition] *Kult. Pop.*, 28, 1–2: 69–94.
- Bausinger, H. 1993. *Volkskunde ou l'ethnologie allemande: de la recherche sur l'antiquité à l'analyse culturelle* [Volkskunde or German ethnology: from research on antiquity to cultural analysis]. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme.
- Blumi, I. 1999. Hoxha's class war: the cultural revolution and state reformation 1961–1971. *East Eur. Q.*, 33, 3: 303–326.
- Bogdani, R. 1977. Tendances d'innovation du folklore chorégraphique albanais aux conditions du développement de la société socialiste [Innovative trends of Albanian choreographic folklore in the conditions of the development of socialist society]. *Conférence Nationale des Études Ethnographiques (28–30 juin 1976)*. Tirana: Académie des Sciences: 583–589.
- Boskovic, A., Hann, C. (Eds.). 2013. *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*. Berlin; Münster: LIT-Verlag.
- Bromley, Y., Kozlov, V. 1989. The theory of ethnos and ethnic processes in Soviet social science. *Comp. Stud. Soc. Hist.*, 31, 3: 425–438.
- Buda, A. 1977. Etnografia shqiptare dhe disa probleme të saj — L'ethnographie albanaise et ses problèmes [Albanian ethnography and its problems]. *Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike — Conférence Nationale des Études Ethnographiques, 28–30 juin 1976*. Tirana: Académie des Sciences: 15–35 [Fr.:19–43].
- Cabanes, P. 2004. Archéologie et identité nationale en Albanie au XXe siècle [Archaeology and national identity in Albania in the twentieth century]. *Dialogues d'Histoire Ancienne*, 30, 1: 115–122.

- Chirot, D. (Ed.). 1991. *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press.
- Dalipaj, G. 2012. Domesticating the domestic: the house in Albanian ethnography during the communist regime. *Annu. Yearb. Albanian Hist. Anthropol. Stud.*, 2: 9–38.
- Doja, A. 1998. Évolution et folklorisation des traditions culturelles [Evolution and folklorization of cultural traditions]. *East Eur. Q.*, 32 1: 95–126.
- Doja, A. 2013a. Folkloric archaism and cultural manipulation in Albania under socialism. *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*, A. Boskovic, C. Hann, eds. Berlin; Münster: LIT-Verlag: 153–174.
- Doja, A. 2013b. *Invitation au terrain: Mémoire personnel de la construction du projet socio-anthropologique* [Invitation to the field: Personal memory of the construction of the socio-anthropological project]. Bruxelles: Peter Lang.
- Doja, A. 2014a. The Beautiful Blue Danube and the Accursed Black Mountain Wreath: German and Austrian Kulturpolitik of knowledge on Southeast Europe and Albania. *Soz. Welt Z. für sozialwissenschaftliche Forsch. Prax.*, 65, 3: 317–343.
- Doja, A. 2014b. From the German-speaking point of view: unholy Empire, Balkanism, and the culture circle particularism of Albanian studies. *Critique Anthropol.*, 34, 3: 290–326.
- Doja, A. 2015. From the native point of view: an insider/outsider perspective on folkloric archaism and modern anthropology in Albania. *Hist. Hum. Sci.*, 28, 4: 44–75.
- Dojaka, A. 1975. Veshjet popullore dhe ansamblet folklorike [Folk costumes and folk ensembles]. *Simpozium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973)*. Tirana: 146–151.
- Dojaka, A., Gjergji, A. 1969. Rezultatet e punës në fushën e etnografisë gjatë 25 vjetëve [Results of work in the field of ethnography over 25 years]. *Stud. Hist.*, 6, 4: 107–119.
- Feder, K.L. 2011. *Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology*, seventh ed. McGraw-Hill, New York.
- Fico, A. 1979. *Partia në këngën e popullit* [Party in the people's song]. 8 Nëntori. Tirana.
- Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gjergji, A. 1963. Provë për një studim etnografik në kooperativën bujqësore Shkëndia në rrethin e Korçës [Test for an ethnographic study in Shkendija agricultural cooperative in Korca district]. *Etnogr. Shqip*, 2: 81–109.
- Gjergji, A. 1965. Ndryshime në mënyrën e jetesës së fshatarësisë kooperativiste [Changes in the way of life of the cooperative peasantry]. *Konferenca e Parë e Studimeve Albanologjike, 15–21 Nëntor 1962*. Tirana: 626–632.
- Gjergji, A. 1968. Ndryshime në pozitën familjare të gruas fshatare (sipas materialeve të mbledhura në kooperativën Çlirim të fshatit Pojan të rrethit të Korçës) [Changes in the family position of the peasant woman (according to materials collected at the liberation cooperative in Pojan village of Korca district)]. *Stud. Hist.*, 5, 4: 89–99.

- Gjergji, A. 1973. Disa probleme në lidhje me zhvillimin e familjes së sotme fshatare [Some problems related to the development of today's peasant family], *Stud. Hist.*, 10, 4: 73–86.
- Gjergji, A. 1975. Tradita dhe evoluimi në veshjet popullore [Tradition and evolution in popular clothing]. *Simposium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973)*. Tirana: 80–89.
- Gjergji, A. 1977. Mbi disa kritere të vlerësimit të veshjeve popullore [On some criteria of evaluation of popular clothing]. *Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike*. Tirana: 397–402.
- Gjergji, A. 1979. Ndryshimet e mëdha në mënyrën e jetesës në fshat dhe prirjet e zhvillimit në të ardhmen [Major changes in village lifestyle and future development trends]. *Konferenca Kombëtare për problemet e ndërtimit socialist*. Tirana.
- Gjergji, A. 1981. Raporti midis strukturës së familjes kooperativiste dhe hapësirës së banuar prej saj (në fushën e Korçës) [Rapport between the structure of the cooperative family and the space inhabited by it (in the area of Korca)]. *Kult. Pop.*, 2, 2: 27–37.
- Gjergji, A. 1983. Le village en tant que territoire d'habitation et unité sociale [The village as a residential territory and social unit]. *Ethnogr. Albanaise*, 12.
- Gjergji, A. 1984. L'ethnographie et le village albanais d'aujourd'hui [Ethnography and the Albanian village of today]. *Stud. Albanica*, 21, 2: 95–98.
- Gjergji, A. 1985. Les transformations du mode vie de la paysannerie contemporaine [The transformations of the lifestyle of the contemporary peasantry]. *Ethnogr. Albanaise*, 14: 5–34.
- Gjergji, A. 1986. Le développement économique et la modification du mode de vie de la campagne [The economic development and the modification of the lifestyle of the countryside] *Cult. Pop. Albanaise*, 6: 57–68. .
- Gjergji, A. 1987. Tradita dhe risi në mënyrën e jetesës në fshat [Tradition and innovation in the village lifestyle]. *Kult. Pop.*, 8 2: 53–60.
- Gjergji, A. 2001. *Ligjërata për etnologjinë shqiptare* [Lectures on Albanian Ethnology]. Tirana: Extra.
- Gjergji, A. 2002. *Mënyra e jetesës në shekujt XII–XX* [Lifestyle in the XII–XX centuries]. Tirana: Kotti.
- Gjergji, A. 2006. *Arti i zbatuar popullor* [Applied folk art]. Tirana: Ilar.
- Hann, C., Sarkany, M., Skalnik, P., eds. 2005. *Studying Peoples in the People's Democracies: socialist era Anthropology in East-Central Europe*. Berlin; Münster: LIT-Verlag.
- Haxhiu, F. 1963. Kooperativa blegtorale-bujqësore Asim Zeneli (1947–1959) [Livestock-agricultural cooperative Asim Zeneli (1947–1959)]. *Etnogr. Shqip.*, 2: 3–49.
- Heller, M. 1988. *Cogs in the Wheel: the Formation of Soviet Man*. New York: Knopf.

- Herzfeld, M. 1982. *Ours once More: folklore, Ideology and the Making of Modern Greece*. Austin: University of Texas Press.
- Hobsbawm, E., Ranger, T., eds. 1983. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hofer, T. 1968. Anthropologists and native ethnographers in central european villages: comparative notes on the professional personality of two disciplines []. *Curr. Anthropol.*, 9, 4: 311–315.
- Hysa, A. 2010. Ethnography in communist Albania: nationalist discourse and relation with history. *Hist. Semin.* 8: 103–125.
- Hysa, A. 2011. Mbi studimin e qytetit në etnografinë shqiptare të periudhës socialiste [On the study of the city in the Albanian ethnography of the socialist period]. *Kult. Pop.*, 30, 1–2: 163–187.
- Hysa, A. 2013. Albanian ethnography at the margins of history 1947–1991: documenting the nation in historical materialist terms. *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*, A. Boskovic, C. Hann, eds. Berlin; Münster: LIT-Verlag: 129–151.
- Jones, P. 2006. *The dilemmas of de-Stalinization: negotiating cultural and social change in the Khrushchev era*. London; New York: Routledge.
- Kostallari, A. 1969. Mbi shtrirjen e shtresëzimit e së drejtës kanunore në Shqipëri dhe mbi disa çështje që lidhen me studimin e saj e me organizimin e luftës kundër mbeturinave të së vjetrës [On the extension and stratification of the canon law in Albania and on some issues related to its study and the organization of the fight against the waste of the old]. *Disa probleme të studimeve shoqërore*. Tirana: Naim-Fraseri: 120–131.
- Kruta, B. 1977. Rapport entre l'authenticité et le caractère de spectacle dans le folklore contemporain [The relationship between authenticity and the character of a show in contemporary folklore]. *Conférence Nationale des Études Ethnographiques, 28–30 juin 1976*. Tirana: Académie des Sciences: 573–582.
- Kruta, B., Shituni, S., Xhagolli, A., eds. 1986. *Enver Hoxha tungjatjeta: Këngë e melodi* [Long Live Enver Hoxha: song and melody]. Tirana: Institut de Culture Populaire.
- Lelaj, O. 2011. Një analizë kritike e studimeve etnografike shqiptare mbi shoqërinë e real socializmit në Shqipëri [A critical analysis of Albanian ethnographic studies on the Society of real socialism in Albania]. *Kult. Pop.*, 30, 1–2: 199–224.
- Luari, N. 1977. Kolektivizimi i bujqësisë: faktor vendimtar për shndërrimet në psikologjinë e fshatarëve [Collectivization of Agriculture: decisive factor for transformations in peasant psychology]. *Konferenca Kombëtare e Studimeve Etnografike, 28–30 qershor 1976*. Tirana: Akademia Shkencave: 295–299.
- Martucci, D., Genesin, M. 2012. Gjuha dhe kultura shqipe në veprimtarinë e Qendrës së Studimeve për Shqipërinë (Centro Studi per l'Albania, 1939–1944) [Albanian language and culture in the activity of the center of studies for Albania (Centro Studi per l'albania, 1939–1944)]. *Shqipja dhe gjuhët e Ballkanit — Albanian and Balkan Languages*, R. Ismajli, ed. Prishtina: ASHAK: 595–607.

- Mehilli, E. 2011. Defying de-stalinization: Albania's 1956 J. *Cold War Stud.*, 13, 4: 4–56.
- Mihailescu, V., Iliev, I., Naumovic, S. (Eds.). 2008. *Studying Peoples in the People's Democracies II: Socialist era Anthropology in South-East Europe*. Münster; Berlin: LIT-Verlag.
- Muka, A. 2007. *Ndërtimet tradicionale fshatare (shek. XVIII–XX): Monografi etnologjike* [Traditional peasant constructions (XVIII–XX centuries): ethnological monographs]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Naumovic, S. 1998. Romanticists or double insiders? An essay on the origins of ideologized discourses in Balkan ethnology. *Ethnol. Balk.*, 2: 101–120.
- Nikolla, A.P. 2011. *L'uomo nuovo albanese: Tra morale comunista e crisi della transizione* [The new Albanian Man: Between Communist morality and the crisis of transition]. Roma: Bonanno.
- Noack, K., Krause, M. 2005. Ethnographie as a unified anthropological science in the German democratic republic. *Studying Peoples in the People's Democracies: socialist era Anthropology in East-Central Europe*, C. Hann, M. Sarkany, P. Skalnik, eds. Berlin; Münster: LIT-Verlag: 25–54.
- Osiatynski, W. 1991. Revolutions in eastern Europe. *Univ. Chic. Law Rev.*, 58, 2: 823–858.
- Panajoti, J., Kruta, B. 1986. Le folklore albanais à l'époque du Parti communiste [Albanian folklore at the time of the Communist Party]. *Cult. Pop. Albanaise*, 6.
- Qarri, N. 1976. Ndryshime në mënyrën e jetesës së fshatarësisë kooperativiste në Lekaj [Changes in the lifestyle of peasantry cooperativity in Lekaj]. *Stud. Hist.*, 13, 4: 187–192.
- Roth, K. 1998. Folklore and nationalism: the German example and its implications for the Balkans. *Ethnol. Balk.*, 2: 69–79.
- Sako, Z. 1975. Festivali Folklorik Kombëtar i Gjirokastrës 1973: Etapë e rëndësishme e artist dhe e kulturës sonë popullore socialiste [National Folk Festival of Gjirokastra 1973: important stage of artist and of our popular socialist culture]. *Simposium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973)*. Tirana.
- Schmitt, O.J. 2005. Genosse Aleks und seine Partei, oder: Zur Politik und Geschichtswissenschaft im kommunistischen Albanien (1945–1991) [Genosse Aleks and his party, or: On Politics and History in Communist Albania (1945–1991)]. *Beruf und Berufung: Geschichtswissenschaft und Nationsbildung in Ostmittel- und Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert*, M. Krzoska, H.-C. Maner, eds. Münster: LIT-Verlag: 143–166.
- Schwandner-Sievers, S. 2009. Jungfrauen und Elefanten im Porzellanladen: Zur internationaler Herausforderung der albanischen Ethnologie im Postsozialismus [Virgins and Elephants in the Porcelain Shop: The International Challenge of Albanian Ethnology in Post-Socialism]. *Albanische Geschichte: Stand und Perspektiven der Forschung*, O.J. Schmitt, E. Frantz, eds. München: Oldenbourg: 187–214.

- Shanks, M., Tilley, C.Y. 1992. *Re-constructing archaeology: theory and Practice*, second ed. London: Routledge.
- Shituni, S. 1988. Cilësia si problem themelor i artit muzikor popullor [Quality as a fundamental problem of folk music art]. *Kult. Pop.*, 9: 25–38.
- Shituni, S. 1989. Art origjinal, i pasur dhe i gjallësishëm: Muzika popullore në Festivalin folklorik kombëtar 1988 [Original art, unseen and alive: folk music at the National Folk Festival 1988]. *Kult. Pop.*, 10, 1: 13–22.
- Shituni, S., Daja, F., Pano, N., eds. 1986. *Këngë e melodi nga festivalet folklorike* [Songs and melodies from folk festivals]. Tirana: Institut de Culture Populaire.
- Shkurti, S. 1976. Vështrim etnografik mbi zonën e Vurgut [Ethnographic overview of the Vurg area]. *Etnogr. Shqip.*, 8: 111–158.
- Shkurti, S. 2004. *Tradita bujqësore ndër shqiptarë* [Agricultural traditions among Albanians]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Tarifa, F. 1996. Neither bourgeois nor communist science: sociology in communist and post-communist Albania. *Communist Post-Communist Stud.*, 29, 1: 103–113.
- Tirta, M. 1982. Vështrim rreth popullsisë së ardhur në vendbanimet e krijuara pas Çlirimit në mjedise bujqësore [Overview of the population coming to settlements created after liberation in agricultural environments]. *Etnogr. Shqip.*, 13: 5–29.
- Tirta, M. 1985. Reforma agrare dhe lëvizjet e popullsisë fshatare [Agrarian reform and peasant population movements]. *Kult. Pop.*, 6, 2: 43–62.
- Tirta, M. 1986. Les mouvements contemporains de la population et le développement des villes albanaises [Contemporary population movements and the development of Albanian cities]. *Ethnogr. Albanaise*, 15: 5–34.
- Tirta, M. 1987. Lëvizje migruese të brendshme të popullsisë [Internal migration of the population]. *Etnogr. Shqip.*, 16: 33–64.
- Tirta, M. 1999. *Migrime të Shqiptarëve: të brendshme dhe jashtë atdheut* [Migration of Albanians: inside and outside the homeland]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Tirta, M. 2003. *Etnologjia e shqiptarëve* [Ethnology of Albanians]. Tirana: Geer.
- Tirta, M. 2004. *Mitologjia ndër Shqiptarë* [Mythology among Albanians]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Tirta, M. 2007. *Panteoni e simbolika: doke e kode në etnokulturën shqiptare* [Pantheon and symbolism: docks and codes in Albanian ethnoculture]. Tirana: Ilar.
- Uçi, A. 1969. Mbi disa aspekte kryesore metodologjike për studimin e problemit të familjes [On some key methodological aspects for the study of the family problem]. *Disa probleme të studimeve shoqërore*. Tirana: Naim-Fraseri: 162–170.

- Uçi, A. 1976. Vendi i artit popullor në kulturën artistike socialiste [The place of folk art in socialist artistic culture]. *Stud. Filol.*, 13, 3: 13–32.
- Uçi, A., ed. 1980. *Probleme të zhvillimit të folklorit bashkëkohor* [Issues of the evolution of contemporary folklore]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Uçi, A. 1981. Le Festival Folklorique National de 1978: questions actuelles des sciences ethnographiques et folkloriques [The National Folk Festival of 1978: current issues of ethnographic and folk sciences]. *Cult. Pop. Albanaise*, 1: 7–24.
- Uçi, A. 1982. *Mitologjia, Folklori, Letersia* [Mythology, Folklore, Literature]. Tirana: Naim-Frashëri.
- Uçi, A. 1984. La Culture populaire traditionnelle et ses fonctions ethniques [Traditional popular culture and its ethnic functions]. *Cult. Pop. Albanaise*, 4: 19–44.
- Uçi, A. 1989. Le folklore actuel avec les nouvelles splendeurs de notre temps [The current folklore with the new splendors of our time]. *Cult. Pop. Albanaise*, 9: 9–13.
- Uçi, A. 1997. Për një rivlerësim kritik të përvojës së zhvillimit të kulturës popullore [For a critical reassessment of the experience of the development of popular culture]. *Kult. Pop.*, 18, 1–2: 173–186.
- Uçi, A. 2007. *Estetika e Folklorit* [Aesthetics of folklore]. Tirana: Akademia e Shkencave.
- Uçi, A., et al., eds. 1985. *Enver Hoxha në këngët e popullit* [Enver Hoxha in the songs of the people]. Tirana: Akademia e Shkencave, Instituti i Kulturës Popullore.
- Ulqini, K. 2003. *Struktura e shoqërisë tradicionale shqiptare* [Structure of Traditional Albanian society]. Shkodra: Idromeno.
- Valtchinova, G. 2004. Folkloristic, ethnography, or anthropology: Bulgarian ethnology at the crossroads. *J. Soc. Anthropol. Eur.*, 4, 2: 2–18.
- Vehbiu, A. 2009. *Shqipja totalitare: tipare të ligjërimit publik në Shqipërinë e viteve 1945–1990* [Totalitarian Albanian: features of public discourse in Albania from 1945–1990]. Tirana: Çabej.
- Voell, S. 2011. The Kanun in the ethnographic self-description: research into Albanian traditional law during socialism. *Sociology and Ethnography in East-Central and South-East Europe: Scientific Self-description in State Socialist Countries*, U. Brunnbauer, C. Kraft, M. Schulze-Wessel, eds. München: Oldenbourg.
- Wallace, A.F.C. 1956. Revitalization movements. *AA*, 58, 2: 264–281.
- Xhagolli, A., ed. 1983. *Truall me këngë* [Plot with songs]. Tirana.
- Xhagolli, A., ed. 1988. *Festivali folklorik kombëtar* [National Folk Festival]. Tirana.

- Xhagolli, A. 1997. Arritje dhe probleme të folkloristikës dhe të etnologjisë shqiptare [Achievements and problems of Albanian folkloristics and ethnology]. *Kult. Pop.*, 18, 1–2: 3–15.
- Xholi, Z. 1977. La révolution culturelle socialiste et la culture populaire nationale [The socialist cultural revolution and national popular culture]. *Conférence Nationale des Études Ethnographiques, 28–30 juin 1976*. Tirana: Académie des Sciences: 65–85.
- Yzeiri, I. 2013. *Semiopragmatika e realizmit socialist (1944–1949)* [Semiopragmatics of socialist realism (1944–1949)]. Tirana: Onufri.
- Zojzi, R. 1959. Etnografia shqiptare dhe veprimtaria shkencore e zhvillueme në këtë fushë [Albanian ethnography and scientific activity developed in this field]. *Bul. i Univ. Shtetëror të Tiranës Ser. Shk. Shoqërore*, 4: 153–161.
- Zojzi, R. 1959. Për një trajtim shkencor të veshjes popullore [For a scientific treatment of folk dressing]. *Simposium për problemet e Festivalit Folklorik Kombëtar të Gjirokastrës (Tetor 1973)*. Tirana: 52–60.

